

С. Серкин

БАЛЛАДА
О ЧУРШИНСКОМ
ГОРОДИЩЕ

МАКАРОВ Л. Д.
Окрестности
п. Первомайского
в древности

Аннотация

Авторы брошюры знакомят читателей с наиболее ранним периодом развития Вятского края — от эпохи мезолита до конца XIV века.

В центре повествования обеих работ — Подчуршинское городище и его окрестности.

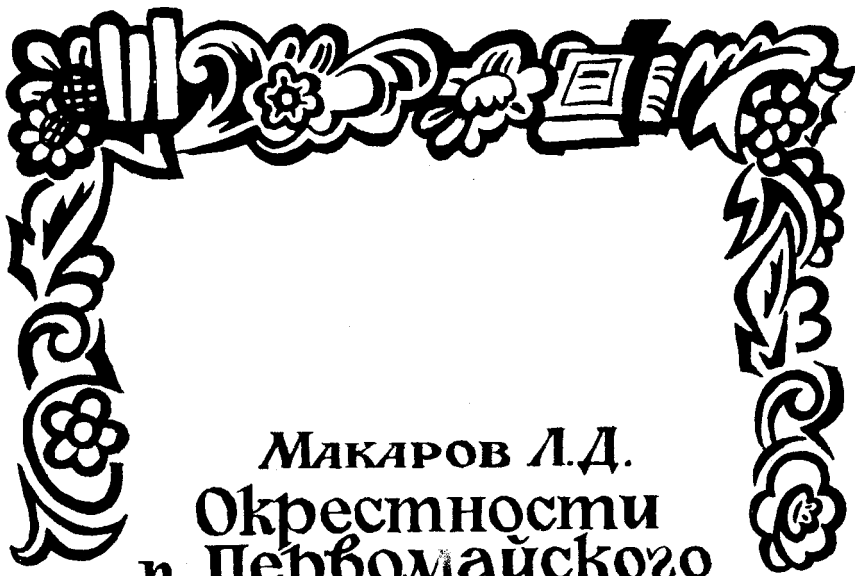
Книга несомненно может служить учебным пособием на уроках краеведения и будет интересна для широкого круга читателей.

Оформление обложки В. Евлаков.

© С. Серкин, 1995 г.

© В. Евлаков, иллюстрации 1995 г.

© Л. Макаров 1995 г.

МАКАРОВ Л.Д.
Окрестности
п. Первомайского
в древности

Окрестности поселка Первомайского в древности

Местность, окружающая поселок Первомайский, издавна привлекала внимание человека. Безусловно, главной причиной популярности этой земли была близость такой полноводной и мощной артерии, как река Вятка. Долина реки имеет здесь значительную ширину, она занята низменными лугами, дававшими отличное сено на корм скоту, перемежается перелесками и старичными озерами, по берегам которых образовались песчаные гряды и дюны, казалось бы весьма удобные для заселения. Однако древних памятников в пойме Вятки пока не обнаружено, что связано с ежегодными весенними паводками. Река и озера позволяли пополнять пищевые запасы за счет рыболовства и охоты на водоплавающую дичь. В отличие от низменного левого правый берег, высота которого колеблется от 5—7 до 15—20 м над уровнем поймы, активно заселялся человеком еще с каменного века, чему способствовали и имеющиеся здесь месторождения кремня.

Когда же появился в данной местности древний человек? Ответ на этот вопрос зависит от археологической изученности местных древностей. К настоящему времени здесь выявлено порядка 30 археологических памятников различного времени, причем количество объектов каменного века явно преобладает. Отмечу, что создание единой непрерывной картины исторического прошлого только на основании памятников окрестностей пос. Первомайский вряд ли в ближайшие годы удастся — слишком много пробелов имеется в тех материалах, которыми мы располагаем. Поэтому волею-неволей придется обратить свой взор на древности как Вятского края, так и Приуралья в целом.

Как известно, древнейший человек появился 3-3,5 млн. лет назад в тропическом поясе Старого Света. Период, в котором происходило становление современного человека, носит название палеолита (древнекаменного века), а завершается он около 10 тыс. лет назад*. Следов пребывания человека этого времени в Вятском крае пока не найдено. Однако, уже в ашельское время (300-100 тыс. лет назад) на Средний Урал проникают первые группы древних охотников и собирателей, о чем говорят памятники на р. Чусовой (Большая глухая

* Название «палеолит» происходит от двух слов греческого языка — «палайос» и «литос», т. е. «древнекаменный век». Обозначения отдельных периодов палеолита (ашель и мустье) связано с наименованиями французских местностей. Названия археологических памятников принято давать по именам близлежащих населенных пунктов.

пещера, местонахождения I аничата I и II, Ельники II) и близ Магнитогорска (стоянка Мысовая). Оледенение, начавшееся около 100 тыс. лет назад, ухудшило климатические условия и заставило людей приспособливаться к ним: учиться добывать и поддерживать огонь, шить одежду из шкур животных, совершенствовать охотничье вооружение и орудия труда. В это время, названное историками мустье (100—40 тыс. лет назад), первобытный человек не только продолжает осваивать Прикамье (местонахождения Пещерный Лог, Конец Гор, Сосновка III), но и проникает далеко на север — в бассейн р. Печоры (стоянка Бызовая — нижний слой).

В позднем палеолите (40—10 тыс. лет назад), когда становление человека как биологического вида завершилось, территория Европейского Северо-Востока осваивается человеком более плотно. Самые известные памятники этого времени расположены на р. Чусовой (Островская стоянка им. М. В. Талицкого), где выявлены первые в регионе следы жилищ, на р. Печоре (стоянка Бызовая — верхний слой, Медвежья пещера), в верховьях р. Белой в Башкирии (Каповая и Игнатьевская пещеры с настенными красочными рисунками мамонтов, лошадей и других животных)¹. И хотя территория Вятского края в этом перечне не указана, это не означает, что в эпоху палеолита бассейн р. Вятки оставался незаселенным: открытие древностей этого времени — дело будущего. Данное утверждение тем более вероятно, что река Вятка — одна из древнейших рек Восточной Европы. Поиском и исследованием палеолитических памятников Прикамья в настоящее время успешно занимаются П. Ю. Павлов и Ю. Ю. Цыганов². Малочисленность этих материалов долгие годы не позволяла ученым разрабатывать этническую историю Урала и Поволжья эпохи палеолита. В настоящее время, благодаря комплексному исследованию фольклорных, лингвистических, этнографических и археологических данных, как будто удалось определить основные пути формирования предков современных народов (например, в работах В. В. Напольских). Дальнейшая история уральцев, связанная с распадом единого массива на достаточно самобытные группы и их расселением по северу Европы, прослежена более или менее удовлетворительно в работах таких ведущих археологов, как В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков и Р. Д. Голдина.

Эпоха палеолита завершается вместе с таянием последнего ледника около 10 тыс. лет назад. Приспосабливаясь к вновь сложившимся условиям, человек вступает в период среднекаменного века — мезолита (8—5 тыс. до н. э.). Одним из самых ранних памятников этого времени в бассейне р. Вятки является, как считает Т. М. Гусенцова, Архангельская III стоянка на р. Вое

(Немский район), кремневые изделия которой имеют довольно заметные признаки палеолитической традиции обработки камня. Ею же обнаружены древнейшие на Вятке жилища — полуземлянки на поселении Баринка II, что в бассейне р. Кильмезь (Сюмсинский район Удмуртии), существовавшие более 8 тыс. лет назад⁴.

В отличие от палеолита, когда человек использовал обработанные желваки, а также довольно крупные отщепы или пластины, сколотые от кремнистых пород, в эпоху мезолита абсолютное большинство орудий труда изготавливалось на пластинах меньшего размера, отщеплявшихся от специально подбиравшихся для этой цели кремневых нуклеусов (в переводе с греческого — «ядрищ»), один из нуклеусов найден, например, на Подчуршинском городище (рис. 3—5). В дер. Чирки вдоль обрывистых берегов р. Вятки вымываются пласты известняка, насыщенные кремневыми жилами и конкрециями. Поэтому неудивительно, что именно близ этого месторождения кремня возникли две кремнеобрабатывающие мастерские, исследованные в 1960-х годах И. И. Стефановой. Одна из них, Чирки I, возникла буквально в 100 м от выходов кремня и использовалась в течение длительного времени. На ее месте выявлены следы жилища в виде полуземлянки, входом в которую служили вырезанные в глине ступени. В жилище найдены многочисленные кремневые предметы — нуклеусы, отщепы, куски кремня, а также гальки-отбойники, употреблявшиеся при обработке кремня. Готовых же изделий на месте этой мастерской почти нет. Кремнеобрабатывающая мастерская Чирки II возникла несколько раньше, о чем говорят находки массивных орудий более архаичного облика⁴.

В конце 1970-х годов разведгруппа Камско-Вятской экспедиции под руководством Н. А. Лещинской в окрестностях д. Чирки обнаружила 6 стоянок (Мокины I, II, Монастырек I-IV) и 2 местонахождения (Маленниковское и Бахаревское); кроме того, стоянка и два местонахождения кремня выявлены около с. Успенского. В числе находок — отщепы, сколы, пластины, куски кремня, обломки нуклеусов, и лишь некоторые из них имеют следы обработки, в том числе изделия со стоянок Мокины I (отщеп, скребок, обломок орудия), Монастырек II (скобель, отщеп), Успенская (отщеп). Автор отнесла данные памятники в целом к каменному веку⁵, но судя по всему они относятся к мезолиту, о чем, например, говорят кремневые пластины и отщепы со стоянки Мокины II (рис. 2-1-4). Кремневый материал этого же времени собирала вместе с учениками на поселениях Мокины III и Первомайское учительница истории местной средней школы Смолева Галина Сергеевна. Раскопки, проведенные на Первомайском поселении в 1986-1987 гг. Л. Д. Ма-

каровым и в 1988 г. Р. Д. Голдиной, принесли преимущественно крупные пластины, в том числе кремневый нож (рис. 2-5-12), мезолитический облик которых не вызывает сомнения.

Эпоха неолита (новокаменного века) относится к IV — середине III тыс. до н. э. и характеризуется благоприятными климатическими условиями — более мягкой и теплой, нежели сейчас, погодой, более низким уровнем грунтовых вод, к тому же нынешняя тундра была занята тайгой, а Вятский край покрыт лиственными лесами. Хозяйство по-прежнему было охотничье-рыболовческое, но широко распространились новые занятия: прядение, ткачество, изготовление глиняной посуды, а также новые способы обработки камня (сверление, пиление, шлифование). Ученые считают, что население Приуралья относилось в это время к единой финно-угорской общности, говорившей на одном языке, но к концу неолита, разделившейся на праугорскую (лесное Зауралье) и прафинно-пермскую (Волго-Камье) общности⁶. Поселения неолитических охотников хорошо исследованы пока только в южных районах Вятского края (работы В. П. Денисова, Р. Д. Голдиной, Т. М. Гусенцовой, М. И. Трефц).

В рассматриваемом нами районе к эпохе неолита относятся кремневые находки, обнаруженные на Подчуршинском городище из разрушенного слоя стоянки, в том числе сверло, два скобеля, ребристая пластина со следами обработки, пластина (рис. 3-1, 2 и 4, 3, 6). Найденный здесь же нуклеус (рис. 3-5), как уже указывалось, вероятнее всего относится к мезолиту и мог быть принесен на городище в древнерусское время в качестве «громовой стрелы», обладающей, по поверьям, лечебными действиями.

Появление первого металла — меди явилось крупным событием в истории человечества. Выделенный в этой связи период энеолита (меднокаменного века) охватывает конец III — вторую четверть II тыс. до н. э. Использование меди для изготовления орудий труда (ножей, шильев) и украшений неизбежно вызывало повышение производительности труда, к концу данной эпохи впервые в Волго-Камье появляются признаки земледелия и скотоводства. В плане этнической истории происходит разделение прафинно-пермской общности на восточно-финскую (Верхнее Поволжье) и прапермскую (Волго-Камье и Северное Приуралье)⁷. В окрестностях пос. Первомайский энеолитических поселений пока не выявлено, однако вниз по Вятке, на Никульчинском II поселении автором обнаружены немногочисленные находки этого времени — мелкие фрагменты рыхлой лепной глиняной посуды, орнаментированной отпечатками гребенчатого штампа, и отдельные кремневые изделия. Основная масса памятников энеолита исследована в южных районах Вятского

края (раскопки С. В. Ошибкиной), Т. М. Гусенцовой, Л. А. Наговицына, В. В. Никитина, Н. П. Карповой).

Эпоха бронзового века (вторая половина II — начало I тыс. до н. э.) выделена на основании появления первых сплавов меди с другими добавками (оловом, сурьмой, цинком), то есть бронзы, которая выгодно отличается от меди своей твердостью, что позволило активно использовать ее для производства не только украшений или орудий труда, но и оружия. Тем не менее основным материалом по-прежнему оставался кремень. Продолжали развиваться мотыжное земледелие (находки зернотерок, каменных серпов, зерен проса), охота, рыболовство, собирательство, ткачество из волокон крапивы, конопли, льна. Быстро прогрессирующее скотоводство породило постепенный переход от матриархата (преобладание в обществе роли женщины) к патриархату (господство мужчин)⁶. К эпохе развитой бронзы относится часть находок с Первомайского поселения, обнаруженных в остатках культурного слоя на площади 33x12 м (рис. 5-Б): рыхлая керамика светлорыжевато-коричневого цвета без орнамента толщиной 7—9 мм (рис. 4-6,7) и часть кремневых пластин и отщепов невысокого качества. К этому же времени относятся и две крупные ямы, в одной из которых найдена пластина. Памятников поздней бронзы близ поселка нет, а наиболее близким является Никульчинское I поселение, обнаруженное Н. А. Лещинской. Автору этих строк удалось выявить лишь несколько памятников этого времени вниз по Средней Вятке: Великокорецкая стоянка (Юрьянский район), слой на Ковровском городище и остатки жилища на поселении Искра (Котельничский район). Обобщением позднебронзовых материалов Вятского края занимается Л. А. Сенникова.

В VIII-VII вв. до н. э. в лесной полосе Европы получило распространение железо, получаемое сыродутным способом из местных болотных руд. Именно железо, обладающее уникальными по распространности сырья и качеству свойствами, окончательно вытеснило камень, а потом и медь, как основные материалы для производства орудий труда и оружия. Резкое повышение эффективности труда привело к появлению прибавочного продукта, накапливавшегося в руках родовой верхушки. Стремление захватить эти накопленные богатства приводит в конце концов к военным столкновениям. Угроза грабительских набегов побуждает людей укреплять свои поселения, возводя городища. Период господства железа носит название железного века, продолжающегося и в настоящее время. Эта большая эпоха делится на несколько этапов, что связано с важными переменами в развитии древнего общества.

Ранний железный век (VIII в. до н. э. — V в. н. э.) представлен на Вятке памятниками ананьинской и пьяноборской общностей. Ана-

нинская общность, названная так по широко известному могильнику близ г. Елабуги, раскопанному во второй половине XIX в., существовала в VIII-III вв. до н. э. и охватывала огромную территорию от Средней Волги до Уральских гор и от Сев. Двины и Печеры до р. Белой — ту же область, что и позднебронзовые племена. Таким образом, ананьинцы ведут свое происхождение от местных прапермян¹¹. Ведущими в хозяйстве ананьинцев были мотыжное земледелие и мясное скотоводство, дополняемые рыболовством, охотой и собирательством. Жили они на неукрепленных селищах и крепостях-городищах. Среди первых снова отметим Первомайское поселение, на котором найдено несколько фрагментов лепных горшков светло-коричневого цвета толщиной 5-6 мм со слабо отогнутыми горловинами, иногда с выделяющимися наружу вдоль края выступами (так называемыми «воротничками»), украшенными оттисками косо поставленной 3-4-зубой гребенки (рис. 4-2-5). К этому же времени относятся ананьинские материалы никульчинского городища (раскопки Л. П. Гуссаковского и Л. Д. Макарова), а к V-III вв. до н. э. — городищ Кривоборского в Кирово-Чепецком районе (Н. А. Лещинская), Наговицынского (Л. П. Гуссаковский) и Чижевского (И. И. Стефанова) в г. Вятке, Подрельского I в Халтуринском районе. Обобщением материалов этого времени успешно занимается В. В. Ванчиков¹⁰, которому, между прочим, впервые удалось исследовать самое северное на Вятке раннеананьинское Грехневское поселение (Нагорский район).

На поздней стадии раннего железного века происходит разъединение общепермского (ананьинского) массива на праудмуртскую и пракоми общности. Первая охватывала бассейн р. Белой, Нижнее и Среднее Прикамье и Вятский край, она получила название пьяноборской общности (III в. до н. э. — начало V в. н. э.) — по названию одноименного могильника на р. Каме. Вятский ее вариант был назван худяковским (по могильнику на р. Пижме). Пракоми общность (Верхнее Прикамье и Вычегодский край) получила наименование гляденовской¹¹. Худяковские, а также дорусские памятники вятского бассейна вообще активно исследуются Р. Д. Голдиной и Н. А. Лещинской, а одновременные им древности по среднему и верхнему течению р. Чепцы — В. А. Семеновым, М. Г. Ивановой и А. Г. Ивановым.

Весьма ярким памятником позднепьяноборского времени является Первомайский могильник, обнаруженный автором этих строк в ходе разведки 1986 г., а затем исследованный на протяжении двух последующих лет им же и Р. Д. Голдиной. Памятник расположен в 160 м к юго-востоку от современного кладбища на ровной распахиваемой террасе высотой 7 м. Могильные ямы в значительной

степени нарушили более ранние культурные напластования мезолита, бронзового века и позднеананьинского времени, а остатки могильника, в свою очередь, перекрыты русским слоем XVII-XIX вв. На раскопе (756 кв. м) выявлено 71 захоронение, при этом могилы были расположены в 6 рядов вдоль края террасы. Абсолютное большинство умерших лежало в могилах головой на северо-запад, то есть ногами в реке (по древнему поверью многих народов, в том числе и удмуртов, река являлась последней дорогой — в страну мрака, т. е. на тот свет), лишь в некоторых ямах покойные располагались либо головой к реке, либо параллельно ее течению. Глубина могил различна — от 0,7 до 1,65 м, величина их зависела от возраста погребенного: детские захоронения, например, имели неглубокие ямы небольших размеров. Умершие были похоронены в деревянных долбленных колодах в своих лучших одеждах и сопровождалась в мир иной любимыми украшениями и необходимыми им предметами, которые могли пригодиться и в загробном мире. Поэтому в женских погребениях обнаружены разнообразные бронзовые украшения: ажурные шумящие подвески, перстни, шейные гривны, застежки, кожаные пояса, украшенные накладками, пронизки, нашивные бляшки, бусы, а также ножи и глиняные горшки с заупокойной пищей (рис. 5-В, погребение 3, 6). Для мужских захоронений присущи железные орудия труда (ножи, топоры, мотыжки, скобели, ложки, шилья), а также украшенные бронзовыми пряжками, накладками и наконечниками кожаные пояса и отдельные украшения. В самом богатом воинском погребении обнаружены предметы вооружения из железа: меч, шлем, боевой нож, дротик, конские удила и детали уздечки, а также пояс с бронзовыми принадлежностями, гривна с нанизанной на нее бусиной из халцедона, два диска из этого же материала, бронзовые перстень и крестовидная подвеска (рис. 5-В; погребение 9; 6-8, 12, 13). В некоторых других могилах воинов найдены наконечники копий, а также крючки от колчанов. Во многих захоронениях выявлены фрагменты керамики — признак обычая битья посуды при похоронах. Обнаружены и следы поминальных тризн: над одной из могил зафиксированы остатки кострища в виде пятна угля и прокала; по краю могильника раскопаны три жертвенных ямы с костями животных — остатки ритуальных пиршеств; в межмогильном пространстве обнаружено немало специально оставленных здесь различных предметов и особенно обломков керамики. Отметим, что посуда была вылеплена вручную из глины с различными примесями (толченая раковина, растительность, шамот — измельченные фрагменты керамики), она имела приземистую чашевидную форму с уплощенным дном и обычно украшалась по верхней части

сочетаниями перевитого шнура и гребенчатого штампа (рис. 7) — орнаментом, обычным для пермских народов Прикамья. В целом первомайский могильник датируется концом I — V вв. н. э. и является некрополем древних удмуртов¹². Недалеко от описываемого района известны и другие позднеспяноборские (худьяковские) памятники: Городищенский могильник II — III вв. (Л. А. Наговицын, В. А. Семенов) и Кривоборское городище первой половины I тыс. н. э. (Н. А. Лещинская) на р. Чепце, а также отдельные находки этого времени на Никульчинском городище (Л. Д. Макаров).

Следующий за ранним железным веком период раннего средневековья (V — IX вв. н. э.) представлен на Вятке памятниками еманаевской культуры (по названию городища на р. Пижме). Около поселка древностей этого времени пока не выявлено. Однако ниже по Вятке был исследован Концовский могильник VI — VII вв. (И. И. Стефанова, М. Г. Иванова), расположенный на треугольном мысу высотой до 10 м, на котором в четырех рядах изучено 30 неглубоких могильных ям с захоронениями древних удмуртов. Погребальный обряд весьма похож на таковой в Первомайском могильнике, как и сопровождающий умерших погребальный инвентарь, только несколько более позднего времени¹³. Еще более поздним был Вятский могильник VIII — IX вв., уничтоженный в 1929 г. при строительных работах около мясокомбината в г. Вятке, где Н. А. Прокошеву удалось собрать только обломки бронзовой гривны, браслет, накладку и железное шило¹⁴, а неподалеку от этого места позднее нашли железный наконечник копья. К этому же времени относится найденный в 1889 г. в городе при рытье котлована под фундамент дома близ Александровского сада клад из 6 арабских монет — дирхемов (707—835 гг.). Выявлены раннесредневековые находки также на Чижевском и Никульчинском городищах.

Древнеудмуртские памятники конца I — начала II тыс. н. э. получают дальнейшее развитие на Вятке в рамках кочергинской культуры X — XIV вв. (это наименование дал могильник на р. Немде)¹⁵. Древности этого периода известны пока слабо. В нашем районе известна только одна находка этого времени: бронзовая шумящая подвеска XII — XIV вв.; так называемая якорьковидная (стилизованные конские головы, повернутые в разные стороны), найдена в обрыве берега Вятки у д. Мокины местными школьниками (рис. 4—1). В г. Вятке к этому времени относятся: тонкий культурный слой Вятского городища (в Александровском саду) с несколькими находками XI — XIII вв. (Л. П. Гуссаковский); найденный близ него в 1935 г. на месте посадского рва клад из 14 византийских монет VI — XI вв., зарытый на рубеже XI — XII вв. Не исключено, что к этому же периоду относился разрушенный могильник у д. Родио-

новской близ г. Слободского, где были похоронены воины с оружием (А. А. Спицын). Существовало дорусское поселение и на Никульчинском городище (несколько ям с соответствующими находками).

Помимо данных археологии о былом проживании удмуртов на Средней Вятке до появления здесь славян говорят и другие источники. Например, об этом сообщает местная «Повесть о стране Вятской», русские предания, удмуртские легенды, грамоты митрополитов второй половины XV в. Ионы и Геронтия, книга голландского дипломата Н. Витсена (1692 г.), об этом же свидетельствуют географические названия, русские слова и фамилии, происходящие из удмуртского языка, некоторые русские элементы в праздниках и обычаях вятчан и, наконец, антропологический тип (внешний облик) местного русского населения, имеющий несомненно признаки смешения с удмуртами. Что касается окрестностей поселка, то и сейчас здесь, а особенно в районе Карино, расположено несколько деревень с удмуртским и бесермянским населением, сохранившим свой язык и обычаи.

В конце XII — начале XIII вв. в среднем течении Вятки появляется славянское население, которое расселилось в трех волостях: Никулицынской, Котельничской и Пижемской. На границах волостей возникают крепости, например, на страже града Никулицына и его сельской округи встали Чижевское и Вятское (вниз по Вятке). Кривоборское (вверх по Чепце) и Подчуршинское (вверх по Вятке) городища¹⁶.

Одним из наиболее известных археологических памятников Вятской земли является Подчуршинское городище. Это связано, во-первых, с его необычной топографией (расположением на высоком холме), а во-вторых, с окружающим его ореолом таинственности (легенды богатырского цикла, рассказы о подземных ходах, надежно закрытых от постороннего взгляда железными дверьми). И если учесть, что за преданиями в переосмысленном виде скрываются реальные исторические события и факты, то более чем двухвековой интерес к этому памятнику вполне объясним.

Впервые городище, как археологический объект, упоминается в одной из купчих на земельные угодья 1614 г., перечисленных в писцовой книге И. Б. Доможирова и И. Кокушкина 1629 г.¹⁷ Вообще же данное название («пожня Подчуршинская») в первый раз фигурирует, кажется, в этой же писцовой по документу 1597 г.¹⁸ Городище располагается в центре поселка на овальном холме естественного происхождения высотой около 30 м от его подножия (85 м от уровня поймы р. Вятки, протекающей в 400 м к югу). Склоны холма достаточно круты, они поросли посадками

кедра и кустарником. На склонах видны неширокие уступы, по одному из которых (на высоте 16—18 м) проходит современная грунтовая пешеходная дорога, имеющая подобное же ответвление наверх. Площадка городища овальной формы размером 145x30x70 м, что составляет около 5000 кв. м. Восточная часть ее занята сооружениями водозабора, дополнительно разрушается с севера и востока траншеями и промоинами. Западная половина свободна от видимых нарушений, если не считать всхолмления, оставшегося от фундамента кирпичной часовни, на котором ныне возвышается металлическая вышка (рис. 8.)

В научной и краеведческой литературе памятник впервые описан в конце XVIII в. И. И. Лепехиным, затем в 1810 г.— Е. Ф. Зябловским, а в 1838 и 1861 гг.— «Вятскими губернскими ведомостями». В 1856 г. раскопки на городище провел член столичных Археологических обществ П. И. Лерх, прорезавший площадку двумя неглубокими, по-видимому, взаимно перпендикулярными траншеями. Ученый обнаружил 15 поздних христианских захоронений глубиной до 2,5 аршин (1,8 м), причем по черепаам определил два типа умерших: короткоголовых (русских) и долгоголовых (удмуртов, в основном женщин). На краю площадки Лерх обнаружил остатки кузницы (шлак и угли) и отдельные вещи. Результаты этих раскопок нашли отражение как в местной (в том числе в статьях П. В. Алабина), так и в центральной печати (отчеты Археологической комиссии за 1865 г.). В 1873 г. городище описано по заданию Вятского статкомитета, в 1881 г.— Куроптевым, в 1884 г.— В. М. Малаховым, а в 1886 г.— М. В. Банниковым, сделавшим и натурный рисунок памятника. Значительный интерес вызвало городище у крупного вятского историка и археолога А. А. Спицына, который описывал его по прежним опросам населения и публикациям (1882, 1887), а позднее (в 1887 и 1888) лично осматривал и собирал на поверхности древнюю керамику (1893 г.)¹⁹. В советское время городище внимание специалистов привлекало редко: в 1959 г. здесь заложил 5 шурфов И. С. Вайнер, а в 1961 г. сбор материала произвела И. И. Стефанова²⁰. С конца 1970-х годов памятник обследовался разведгруппами Камско-Вятской экспедиции под руководством Н. А. Лещинской (1979), Е. А. Обуховой (1983), Л. Д. Макарова (1987)²¹. В 1988 г. автором предприняты более масштабные раскопки в юго-западной части городища, где еще в 1983 г. была вскрыта часть большой ямы со многими находками²². Раскоп площадью 148 кв. м. (28x7,3 м) был заложен вдоль края площадки и выявил разновременные остатки: сверху отложились напластования XVII—XIX вв., которые перекрывают древнерусские слои. Кроме того, обнаружены кремневые изделия из разрушенной стоянки неолитического времени.

К древнерусскому времени относятся остатки оборонительных сооружений в виде срубной стены шириной 5 м, разделенной на клетки, длиной от 3,8 до 5,75 м (рис. 9-БВ). Следы стены удалось выявить по канавкам от вдавленных под своей тяжестью в грунт срубов. Обнаруженное в пределах раскопа укрепление имело изгиб, подчиняясь кривизне площадки. Внешний край площадки был дополнительно эскарпирован (подрезан) с целью придания стене большей высоты. Западная клетка I исследована частично, она отличается своим устройством: 1) выдвинута внутрь площадки от линии стены на 1,3 м; 2) углублена на 10-15 см и имеет уплощенное дно; 3) в северо-восточном ее углу обнаружен опорный столб диаметром 18 см (такой же столб располагался под углом сруба между клетями III и IV); 4) от юго-восточной части углубления отходит выступ длиной 1,5 м, назначение которого непонятно. Все эти признаки говорят об особом устройстве клетки I, а близость ее к крутому изгибу площадки позволяет предполагать, что данное сооружение является скорее остатком угловой башни, нежели собственно клетью. В клетях III, V и VI обнаружены довольно большие круглые или овальные в плане ямы различных размеров. Судя по находкам в них кусков глиняной обмазки и бытовых предметов, данные клетки были жилыми помещениями, а ямы в них — подпольями. В клетке IV размещалась крупная яма I, состоящая явно из двух углублений, одно из которых (западное) использовалось в более раннее время. Размеры котлована 3,8x2,38—2,7x1,14 м (рис. 10). Сосредоточение зольного слоя со скоплением шлака в западной части ямы, масса обожженных камней в восточной половине и перекрытие ее юго-восточного угла золистым слоем с известкой свидетельствуют о каком-то хозяйственном использовании клетки IV. Об этом говорит и состав обнаруженных в ней находок: орудия земледельческого труда, рыболовства, различные инструменты. И в то же время здесь выявлены бытовые вещи, украшения, культурные подвески, предметы вооружения и разнообразные пищевые отходы.

Аналогичного типа оборонительные стены, нижний этаж которых использовался под жилье и хозяйственные нужды, хорошо изучены на городищах Южной Руси домонгольского времени (правда, «жилые стены» примыкали там обычно к земляным валам)²³. С XIII — XIV вв. такие укрепления распространялись и на Русском Севере²⁴. На Вятке они исследованы на нескольких памятниках конца XII — начала XV вв. (Хлынов, Слободской, Коврово, Шабалино)²⁵. На основании полученных данных и опираясь на известные по публикациям примеры, попробуем представить облик древней крепости на Подчуршинском городище (рис. 11). В представленной

реконструкции проще было воссоздать внешний вид стен и башен, чем изобразить застройку внутренней площадки, которая не раскапывалась. Местоположение церкви, данное на рисунке, вполне допустимо, ибо именно на этом месте строятся позднее часовни. Реконструкция же административной постройки и хозяйственных помещений является плодом авторского воображения и, естественно, требует археологической проверки (на рисунке не нашли место колодцы для добывания воды, которые, конечно же, были здесь, а также подземные ходы, вопрос о которых остается пока не решенным).

Представляется, что воины гарнизона жили в помещениях нижнего этажа стен. Второй этаж был покрыт тесовой двускатной крышей и был снабжен бойницами. Для лучшего обзора и обстрела флангов достаточно было трех башен, по нашему мнению квадратных в плане и покрытых шатровыми крышами. Одна из башен (у северного склона, в том месте, куда идет современная и, скорее всего, шла древняя дорога) была проезжей, устройство ворот нам не известно, но вероятно это было массивное двустворчатое сооружение с мощными запорами. Для того, чтобы подъехать к воротам, вражеским всадникам необходимо было обогнуть крепость хотя бы один раз под обстрелом ее защитников.

Из предметов вооружения здесь найдены 4 железных наконечника стрелы (рис. 13—1—4, 23), в том числе бронебойные, костяная муфта-свистунка, насаживавшаяся на место соединения стрелы с древком и издававшая при полете угрожающий свист (рис. 13—5), навершие меча с обломком рукояти (рис. 13—13), две четырехугольные пластины от боевого панцирного доспеха (рис. 13—24, 25), бронзовый умбон от щита (?) (рис. 13—26), обломок лезвия топора (рис. 13—10), боевые и хозяйственные ножи (рис. 13—14—20), детали ножен (рис. 13—21), рукояти ножей (рис. 13—11, 22), пряжки, кольца и удила от конской сбруи (рис. 13—6—9, 12, 16, 17). Бронебойные стрелы квадратного или ромбического сечения использовались в основном в XII — XIII вв., но иногда встречались и в XIV в.²⁶. Муфты-свистунки вообще известны с VI по XVII вв., на Руси имели распространение в XI — XV вв., такие же изделия найдены в Никульчино и Хлынове. Навершие меча относится к XII — XIV вв., панцирные пластины, удила и детали конской упряжи — к XIII — XIV вв., ножи и топоры — к XIII — XV вв., ножны — к XII — XIV вв.

В свободное от ратных дел время воины и их семьи занимались хозяйством: пахали землю, засеивали и убирали урожай (нож-чересло от плуга, серпы XII — XIV вв., — рис. 12—17, 5, 13), разводили домашних животных и птиц (находки костей, обломка косы — рис. 12—12), охотились (кости диких животных и птиц, костяной

наконечник стрелы — рис. 13—4), ловили рыбу (кости и чешуя рыб, глиняные грузила от сетей — рис. 12—20—23), обрабатывали металл (шлаки, бракованные изделия и заготовки, обрезки металла, моток проволоки — рис. 14—7, гвоздильня — рис. 12—4, ювелирный пинцет — рис. 14—16, инструмент, похожий на гаечный ключ — рис. 12—15, шило — рис. 12—1, каменные оселки — рис. 12—3, 14). Обычным было плетение лаптей, циновок, коробов, пестерей (кочедык XI — XV вв. — рис. 12—19), выделка тканей (пряслица для веретен, которые изготавливались из известняка — рис. 14—17, 21, 25, глины — рис. 14—18, 20, 22 или просто из обломков битой посуды — рис. 14—19, 23, 24), обработка кости (рис. 12—16; 13—4, 5, 22; 14—10, 15), строительные и ремонтные работы (гвозди, скобы, топоры). Кроме того, обнаружены детали домашнего быта: обломанный дверной крючок (рис. 12—9), фрагменты замков XIII — начала XV (рис. 12—8) и XIV — XVI вв. (рис. 12—7), ключ конца XII — начала XV вв. (рис. 12—16), дужка от сосуда (рис. 12—18), обломки бронзовых котелков (рис. 14—8, 11), предметы не выясненного назначения (рис. 12—2, 11; 14—14). Найденные утерянные украшения из бронзы XII — XIV вв.: перстни (рис. 14—1—3), нашивная бляшка (рис. 14—4), поясная накладка (рис. 14—9), а также свинцовый грузик (рис. 14—5) и обломок янтарной бусины (рис. 14—6). Предметом личного обихода было железное кресало для высекания огня из кремня (рис. 12—10), причем кремни со следами именно такого использования здесь также обнаружены. Отметим и находки игральные кости (рис. 14—10, 15).

Судя по находкам створок креста-энколпиона жители крепости были православными. На одной створке изображено распятие Христа и четырех святых в концевых клеймах, а на обломке другой — богоматерь и два святых (рис. 14—12, 13). Изделие датируется первой третью XIII в. Однако языческие традиции оставались для вятских поселенцев популярными длительное время. Об этом свидетельствуют растительные мотивы на перстне и накладке (рис. 14—3, 9), отражающие аграрную магию, а также геометрическая символика на пряслице (рис. 14—17), явно намекающая на отзвуки былого поклонения Яриле — солнцу.

На городище в большом количестве были найдены глиняные сосуды, в основном в разбитом на мелкие фрагменты состоянии, и лишь некоторые из них удалось склеить до первоначального вида. Интересно, что, в отличие от центральных земель Древней Руси, вятская керамика зачастую лепилась из глины с нейсвойственными для славян добавками — мелкотолченой раковины, измельченными фрагментами керамики (шамота), сухой глины или известняка, иногда мелконарезанной растительности и даже навоза (для Руси

обычны примеси песка или дресвы — мелкодробленого камня). Местоположение городища на окраине Вятской земли, по соседству с удмуртскими поселениями приводило, очевидно, к смешанному браку, причем чаще всего удмуртки выходили замуж за русских мужчин, а не наоборот. А поскольку лепка глиняной посуды была делом женщины, то вполне понятно, что жена-удмуртка замешивала глиняное тесто по привычным для нее рецептам, т. е. с нерусскими примесями. Использование гончарного круга, которого удмурты не знали и переняли его у русских, привело в целом к заимствованию традиционно-русских форм посуды, хотя и зачастую с известным «удмуртским» налетом. Поэтому обнаруженная на русских поселениях керамика, имеющая казалось бы и русскую форму, получала столь необычную примесь.

Именно такое явление характерно и для керамики Подчуршинского городища, где обнаружены фрагменты от 61 сосуда. Каков же состав примесей в их глиняном тесте? Песок был использован в 16 случаях, дресва — 2, шамот — 4, раковина — 2. В остальных изделиях отмечены комбинированные добавки (песок и шамот — 12, песок и раковина — 10, шамот и раковина — 2, песок, шамот и раковина — 2, песок и дресва — 2, песок и известняк — 1, песок, известняк и раковина — 1, песок с неясными компонентами — 5, в одном случае данных о добавках нет). Из всей керамики можно выделить 2 группы посуды — чаши (7 экз.) и горшки (54 экз.). Чаши (рис. 16—1—6) использовались обычно как столовая посуда и имели небольшие размеры: высота и диаметр редко превышали 10 см. Одна из чаш была покрыта выпуклостями — каннелюрами, другая имела линейно-волнистый орнамент (рис. 16—4,7). Горшки использовались в основном как кухонная (для приготовления пищи), либо как тарная (для хранения продуктов) посуда, они имели обычный диаметр в пределах от 13 до 21 см. Для того, чтобы было легче установить время бытования керамики, у археологов принято делить ее на группы или типы, отличающиеся по каким-либо признакам. Древнерусские горшки городища были условно поделены на 11 типов по особенностям оформления их горловины.

Тип I (9 экз.) — горшки с плавно изогнутой горловиной-шейкой и округлым ее краем — венчиком (рис. 15—18—26), преобладает примесь песка, песка и шамота (по 4 экз.); датируется с X по XVI вв.

Тип II (9 экз.) — подобные предыдущему, но с косо срезанным наружу венчиком, иногда имеющим ложбину (рис. 15—9—17), примеси разнообразные; XII — XV вв.

Тип III (9 экз.) — изделия с плавно или резко отогнутой горловиной и глубокой ложбиной по венчику (рис. 15—1—8), господствует примесь песка и раковины (5 экз.); XII — XIV вв.

Тип IV (9 экз.) — горшки с резко отогнутой шейкой и приостренным венчиком (рис. 16—25—33), примеси различные; XIII — XIV вв.

Тип V (5 экз.) — сосуды с невысокой шейкой, переходящей в слабо раздутое тулово, с округлым венчиком, один раз со сквозным отверстием (рис. 16—20—24), примеси разные, по форме горшки близки лепным прикамским чашевидным сосудам; XII — XIV вв.

Тип VI (2 экз.) — горшки со слабо выраженной горловиной, завернутым наружу и слегка приостренным венчиком и почти вертикальным туловом (рис. 16—18, 19), примесь шамота и шамота с песком; XII — XIV вв.

Тип VII (2 экз.) — близки чашевидным изделиям без выраженного тулова с косо срезанным наружу венчиком (рис. 16—14, 15), в примеси песок с неясными включениями; XIII — XIV вв.

Тип VIII (1 экз.) — сосуд с отогнутой горловиной и плоским венчиком (рис. 16—13), в примеси — песок; XIII — XV вв.

Тип IX (1 экз.) — горшок с плавно отогнутой шейкой и наплывом изнутри, образующим по венчику желобок (рис. 16—16), в примеси дресва и песок; XII — XIV вв.

Тип X (1 экз.) — плавно отогнутая шейка с узкой и глубокой ложбинкой по венчику (рис. 16—17), в примеси песок; XV — XVI вв.

Тип XI (6 экз.) — небольшие горшочки с вертикальной горловиной и приостренным или округлым венчиком (рис. 16—8—12), преобладают примеси песка и раковины; XI — XIII вв.

Интересно и оформление днищ сосудов: преобладают изделия с резким, через четкий угол, переходом к тулову (рис. 15—17, 26, 29, 32, 33; 16—11), либо через сглаженный вверх угол (рис. 15—8, 27, 28); имеются днища и с плавным переходом, напоминающим традиции удмуртских чашевидных горшков (рис. 15—30, 31); у одного сосуда по периметру дна образовался бортик (рис. 15—34). Весьма редкое явление — орнамент в нижней части сосуда — бы нанесен на одной из находок в виде треугольника, выполненного наколами и прочерченной линией (рис. 15—27). Примеси в днищах также разнообразны, как и в целом по керамике городища. Отметим, что в целом глиняная посуда памятника аналогична таковой на древнерусских поселениях Вятской земли, в том числе на соседних Кривоборском и нукульчинском городищах, разве что здесь ничтожно мало орнаментированных сосудов.

Таким образом, вещевой комплекс Подчуршинского городища укладывается в рамки XII — XV вв., однако более характерны здесь находки XIII — XIV вв., что может и являться датой древнерусской крепости.

Период XV — XVI вв. в окрестностях Первомайского какими-либо древностями не представлен. Однако вверх по Вятке на южной окраине г. Слободского расположено Родионовское селище, на котором в 1987 г. автором исследованы подполье наземного дома и несколько хозяйственных ям. Обнаруженный здесь материал представлен двумя группами находок: XIV — XV и XVI — XVII вв. В 1984 г. нами была проведена частичная прорезка вала и рва кремля г. Слободского, при этом удалось выделить 8 условных строительных периодов существования укреплений²⁷. Два наиболее древних периода приходятся на XIII — XV вв., когда укрепления представляли собой срубную стену, вероятно разделенную на отсеки для жилья и хозяйственного использования, подобно укреплениям Подчуршинского городища. Приблизительно на рубеже XV — XVI вв. сооружаются новые дерево-земляные стены, неоднократно перестраивавшиеся вплоть до начала XVII в., когда они пришли, если судить по писцовой книге 1629 г., в полную негодность²⁸.

Позднейших по времени памятников XVII — XIX вв. близ поселка несколько. Это поздние напластования на Подчуршинском городище, поселениях Первомайском и Мокины III, Первомайское местонахождение керамики и Подчуршинский могильник.

В верхнем слое Подчуршинского городища обнаружен значительно более поздний инвентарь, связанный, возможно, с упомянутым в писцовых книгах XVII в. погостом²⁹. По крайней мере при раскопках зафиксирована канава I длиной 6,5 м с остатками истлевшего бревна диаметром 20 см, оставшегося от нижнего венца дома, придонная часть которого (к северо-западу от канавы) при выравнивании была углублена до 15—20 см от поверхности (рис. 9 — АВ). Данная постройка являлась, вероятно, церковью погоста, сгоревшей в начале XVIII в., либо одной из часовен, строившихся начиная с 1730 г.³⁰. Выявлены также яма 2 и несколько крупных столбов, вкопанных в разное время. Из находок, связанных со всеми этими остатками, отметим крепежные гвозди различных размеров (рис. 17—1—16), скобы (рис. 17—20—22), лезвие топора (рис. 17—24), вещи неясного назначения (рис. 17—17, 23), осколки бутылочного стекла (рис. 17—18, 19), а также фрагменты гончарной керамики хорошего обжига с примесью мелкого песка в тесте, происходящие от горшков с короткими шейками и округлыми венчиками, иногда с коричневой, белой и синей поливой. . Найденные в слое 5 медных монет XVIII — XIX вв. документируют известия о строительстве часовен. Данные остатки перекрыты слоем строительного мусора толщиной 5—7 см, состоящего из битого кирпича и кусков раствора — следов строительства самой последней часовни.

По сведениям М. В. Банникова, опубликованным А. А. Спицыным, «около часовни можно заметить углубления, как бы следы бывшего тут в старое время кладбища»³¹. Итоги раскопок П. И. Лерха в 1856 г. давшие по его словам, 15 русских и чудских захоронений, подвергнуты сомнению А. А. Спицыным, отметившим, что «едва ли он не напал на простое старое русское кладбище, существовавшее при построенной на городище церкви»³². Во время разведочного обследования водопроводной траншеи на городище в 1987 г. нам удалось зарисовать разрезы II могильных ям глубиной 65—115 см со следами тлена от гробовищ. Две из могил были раскопаны, в одной находились останки взрослого человека, расположенного головой на запад. Сверху его перекрывало детское погребение, ориентированное головой на ССВ³³, что не свойственно русским захоронениям, поэтому вероятность наличия здесь и удмуртских могил допустить можно. В ходе исследований 1988 г. в западной половине раскопа, вероятно примыкающего к траншее П. И. Лерха (если судить по рисункам М. В. Банникова), исследовано еще 15 безынвентарных погребений, расположенных пятью рядами (рис. 18-А). Глубина могил 0,8—1, 85 м. погребенные уложены в гробовища втянуто на спине головой на ЗЮЗ, руки располагались на поясе или груди. Преобладают захоронения взрослых, дети погребены в небольших по размеру ямах (рис. 18-Б). По имеющимся данным кладбище занимает северо-западную часть площадки городища (около 3000 кв. м.). Огибая часовенное место (рис. 8)³⁴. В целом погребальный обряд могильника характеризует православные похоронные традиции XVI—XVIII вв., присущие как русскому, так и в более позднее время, обрусевшему удмуртскому населению.

При осмотре поселения Мокины III мезолитического времени (где была найдена, кстати, и бронзовая подвеска), собраны поздне-русские обломки керамики с примесью мелкого песка от горшков как с короткими, так и с высокими шейками, относящимися к XVI—XIX вв. Из других поздне-русских селищ отметим находки на Первомайском поселении, в верхних слоях которого обнаружены фрагменты сделанных на ножном гончарном круге горшков, имеющих короткие шейки с округлыми или приотстренными венчиками, сильно выпуклые бока и плоские днища (рис. 19-2-5), что характерно для изделий XVII—XIX вв., впрочем делались горшки и с высокими горловинами, особенно с появлением в XVIII в. техники покрытия сосудов цветной поливой, например, желто-зеленого оттенка (рис. 19-1), а также коричневого, бурого, синего, белого. Здесь найдены также изделия из железа: неопределенный обломок, гвоздь, ушко, приклепанное к обломку сосуда (котелка или ведра), оковка, возможно от лопаты (рис. 19-6-9). Приблизитель-

но к этому же времени относятся находки керамики с Первомайского местонахождения.

Попытка сопоставить археологически выявленные селища XVII — XIX вв. с какими-либо письменными документами (например, писцовыми книгами) не всегда, к сожалению, дают результаты, поскольку содержащуюся в них информацию чаще всего невозможно привязать к конкретной местности.

И в заключение отметим, что богатые древностями окрестности поселка Первомайский таят в себе еще немало загадок, расшифровать которые в силах только археология — историческая наука, вооруженная лопатой, в союзе с другими отраслями знания, посвященными материальной и духовной культуре вятчан.

Рисунки Н. Ф. Гафуровой по эскизам автора .

г. СЛОВОДСКОЙ

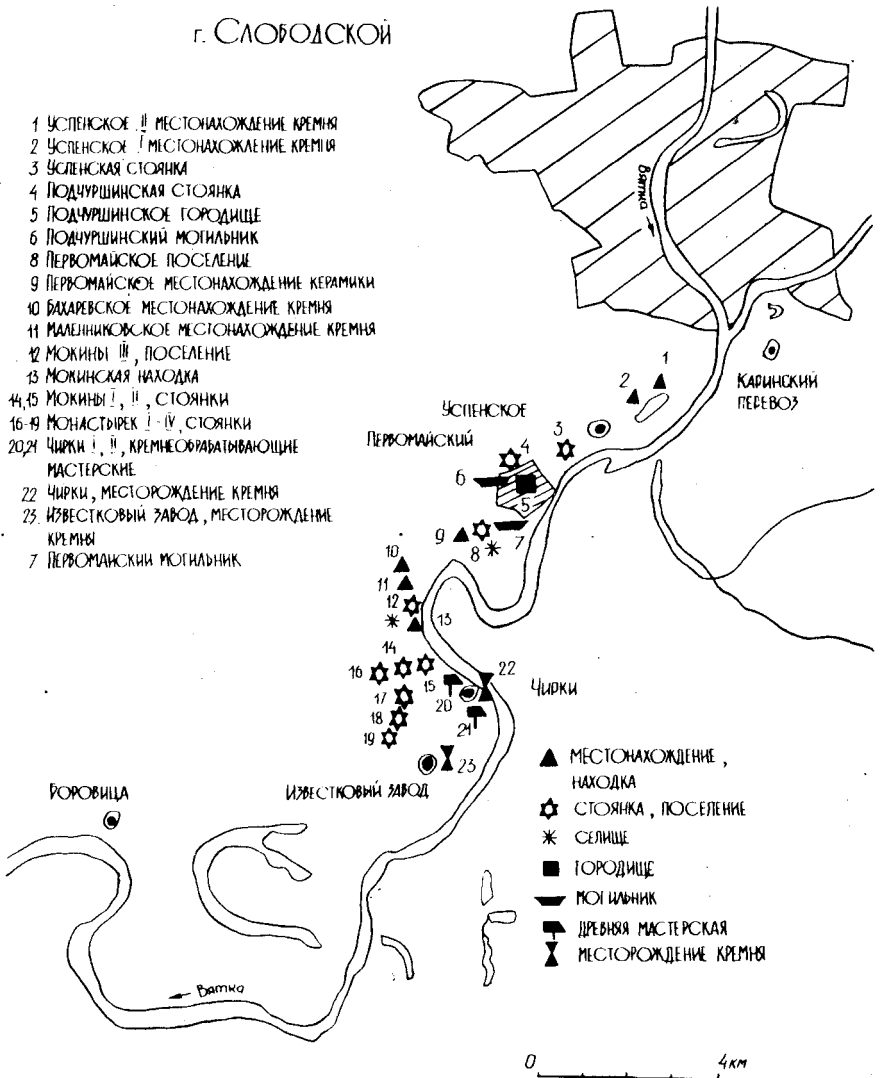

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников в окрестностях пос. Первомайский.

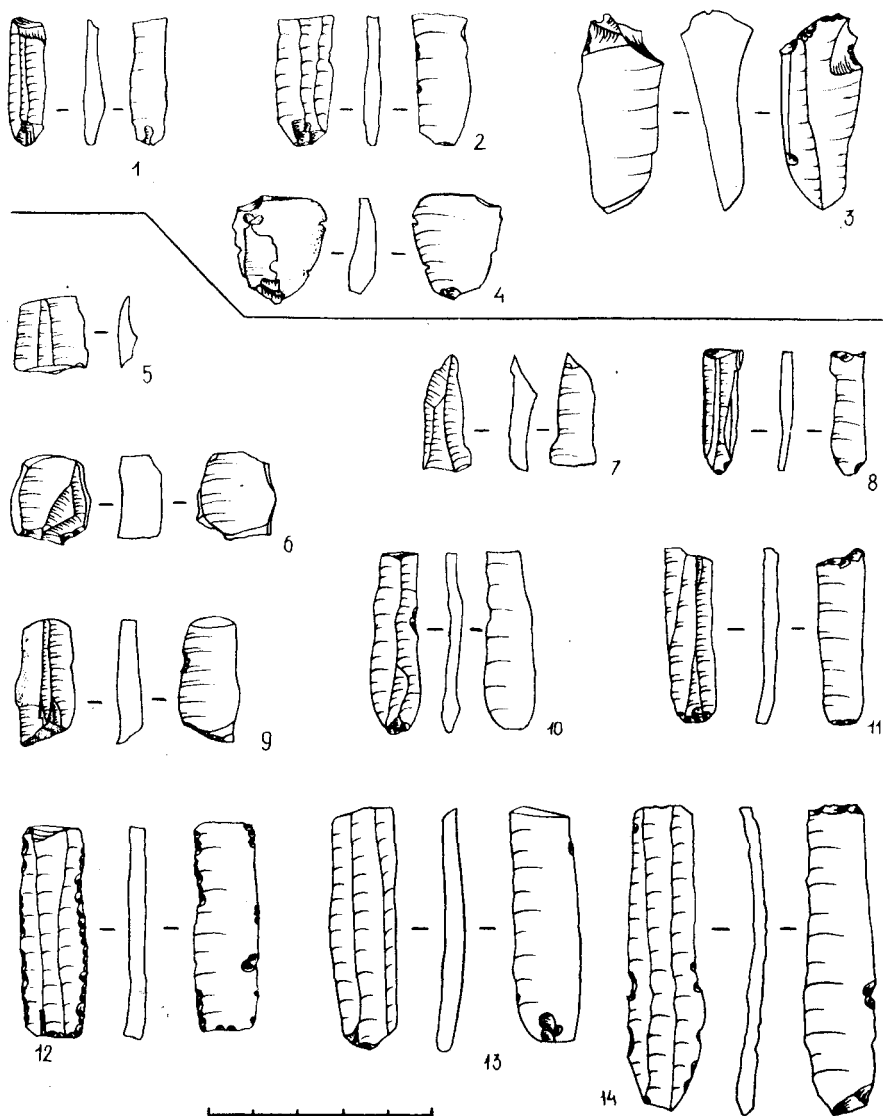

Рис. 2. Кремневый инвентарь мезолитических поселений:
 1—4 — стоянка Мокины II; 5—14 — Первомайское поселение; 1, 2, 5, 7—11,
 13, 14 — пластины; 3, 4, 6 — отщепы; 12 — нож на пластине.

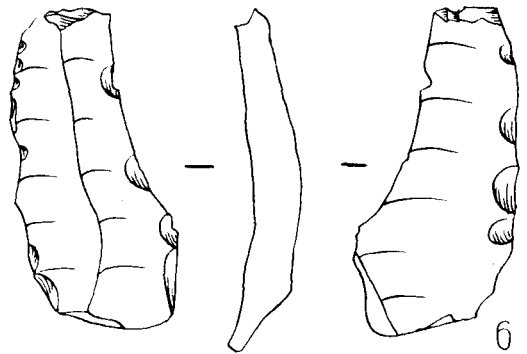
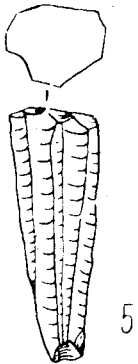
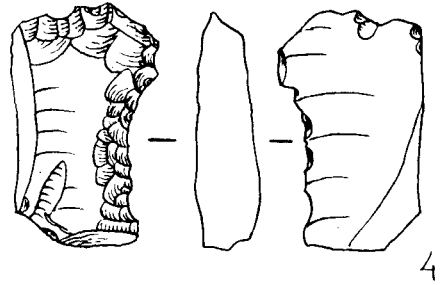
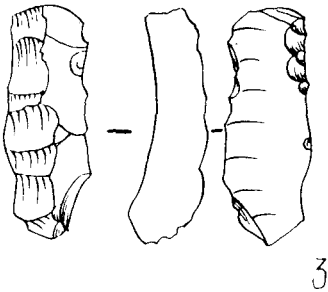
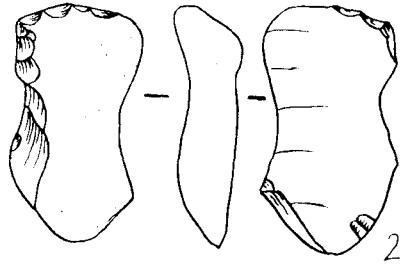
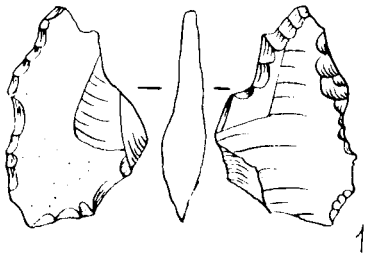

Рис. 3. Подчуршинская стоянка. Кремневые изделия: 1 — сверло; 2, 4 — скреблы; 3 — ребристая пластинка с ретушью; 5 — нуклеус; 6 — пластина.

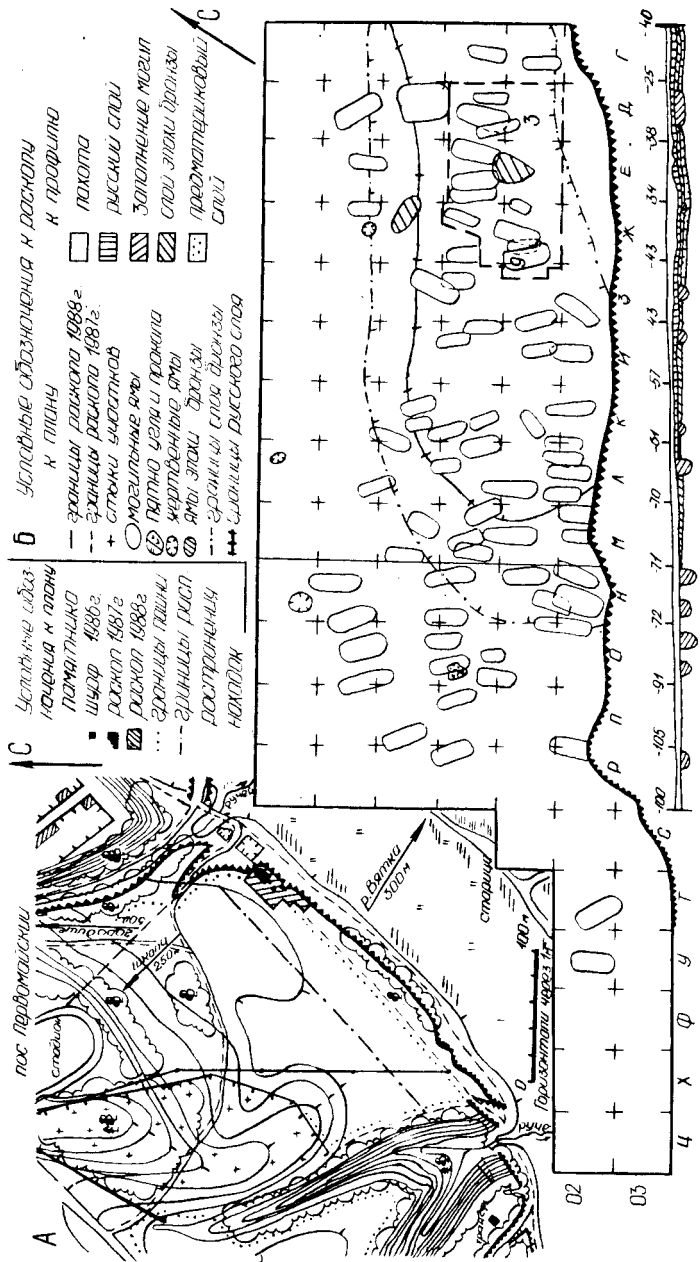
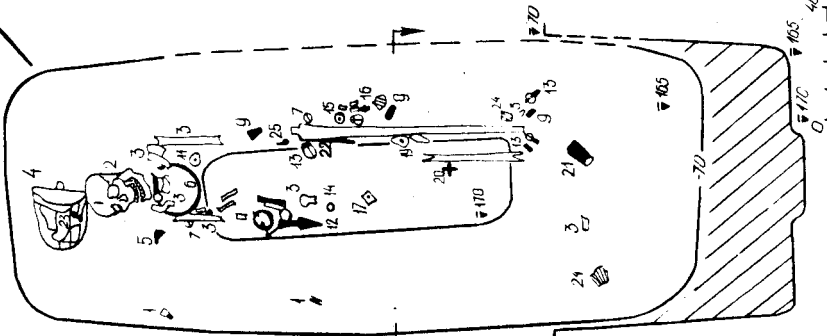

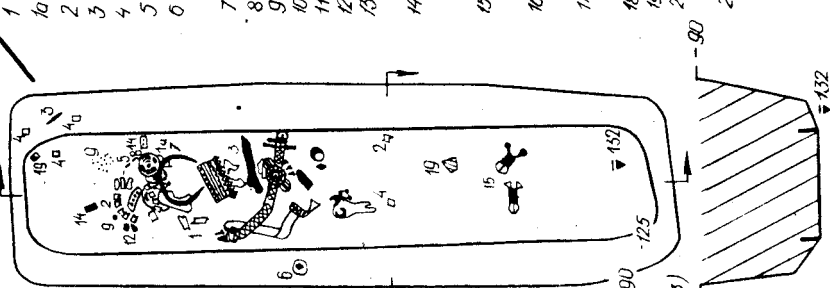
Рис. 5. Перовские поселение и могильник.
 А. Топографический план; Б — план раскопа;

Погребение 9

- 1 зубы человека
- 2 череп
- 3 кости
- 4 железный шлем (2 экз.)
- 5 железный панцирь
- 6 железный шлем (2 экз.)
- 7 др. грибка с колпачком
- 8 железная пряжка
- 9 железные ушки
- 10 др. наконечник дротиона
- 11 железный пояс с др. наконечниками и пряжкой
- 12 железный панцирь
- 13 шп с др. заклепкой
- 14 железный наконечник дротика
- 15 бронзовая пряжка (4 экз.)
- 16 железная колпачка
- 17 железный панцирь
- 18 железный шлем (2 экз.)
- 19 железный панцирь
- 20 железный шлем (2 экз.)
- 21 железный шлем (2 экз.)
- 22 железный шлем (2 экз.)
- 23 железный шлем (2 экз.)
- 24 железный шлем (2 экз.)

Погребение 3

- 1 кости человека
- 2 фрагмент черепа
- 3 зубы человека
- 4 железный шлем (2 экз.)
- 5 железный панцирь
- 6 железный шлем (2 экз.)
- 7 др. грибка с колпачком
- 8 железная пряжка (2 экз.)
- 9 железный шлем (2 экз.)
- 10 железный шлем (2 экз.)
- 11 железный шлем (2 экз.)
- 12 железный шлем (2 экз.)
- 13 железный шлем (2 экз.)
- 14 железный шлем (2 экз.)
- 15 железный шлем (2 экз.)
- 16 железный шлем (2 экз.)
- 17 железный шлем (2 экз.)
- 18 железный шлем (2 экз.)
- 19 железный шлем (2 экз.)
- 20 железный шлем (2 экз.)
- 21 железный шлем (2 экз.)

В — план и разрезы погребений 9 и 3.

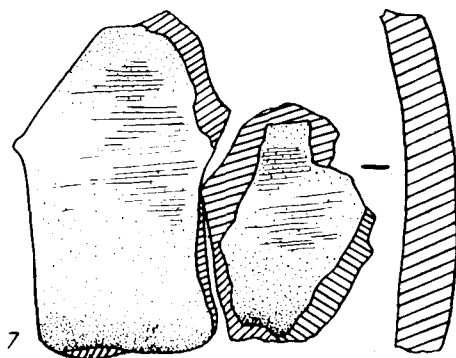
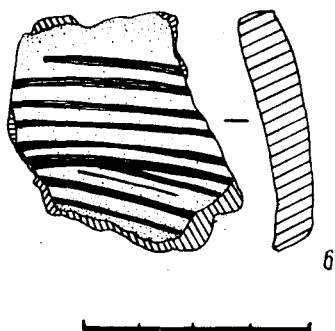
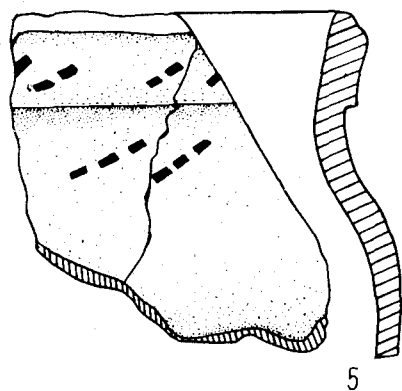
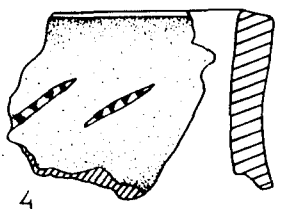
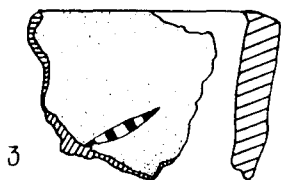
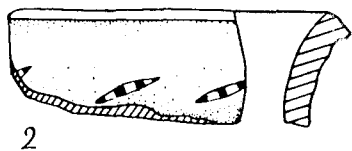
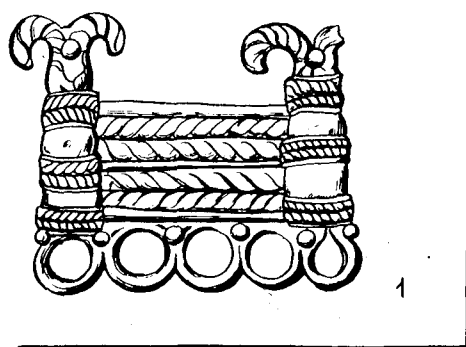

Рис. 4.1—Мокинская находка бронзовой подвески; 2—7—лепная керамика Первомайского поселения (2—5—ананьинская; 6—7—эпохи бронзы).

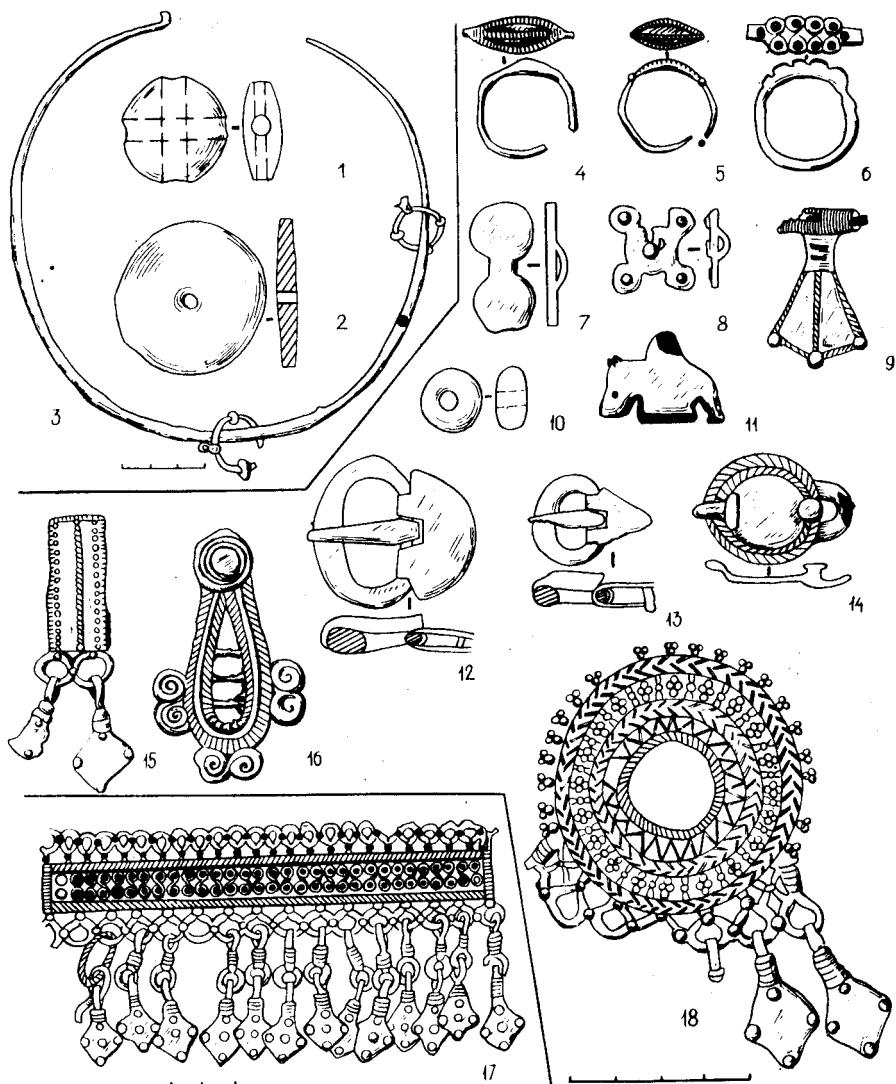

Рис. 6. Первомайский могильник. Украшения (1, 2 — халцедон; 3—9, 11—18 — бронза, 10 — стекло).

1—2 — диски; 3 — шейная гривна с привесками; 4—6 — перстни; 7, 8 — накладки; 9, 15—18 — подвески; 10 — бусина; 11 — пронизка; 12, 13 — пряжки; 14 — застежка (1—5, 15, 17, 18 — погр. 3; 6 — погр. 11; 7 — уч. Ж/1; 8, 12, 13 — погр. 9; 9 — погр. 2; 10 — погр. 51; 11, 14 — погр. 1; 16 — погр. 19).

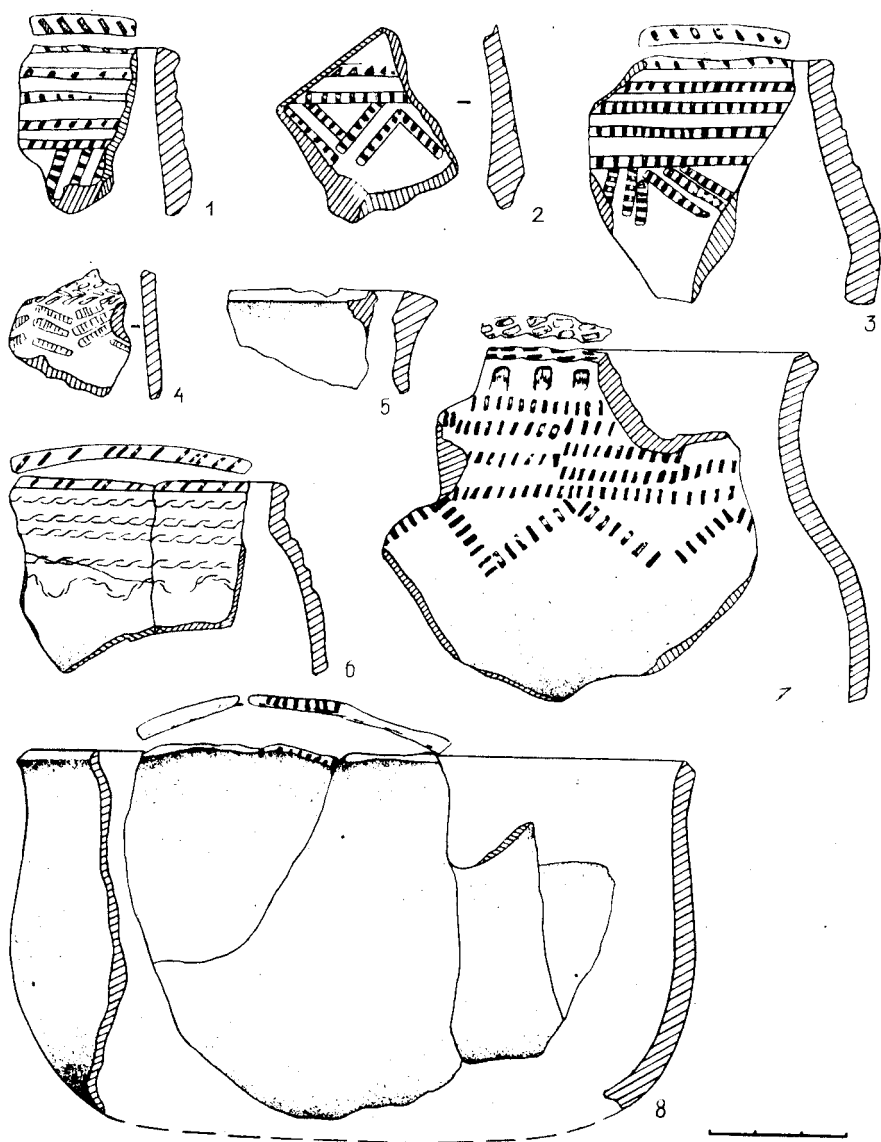
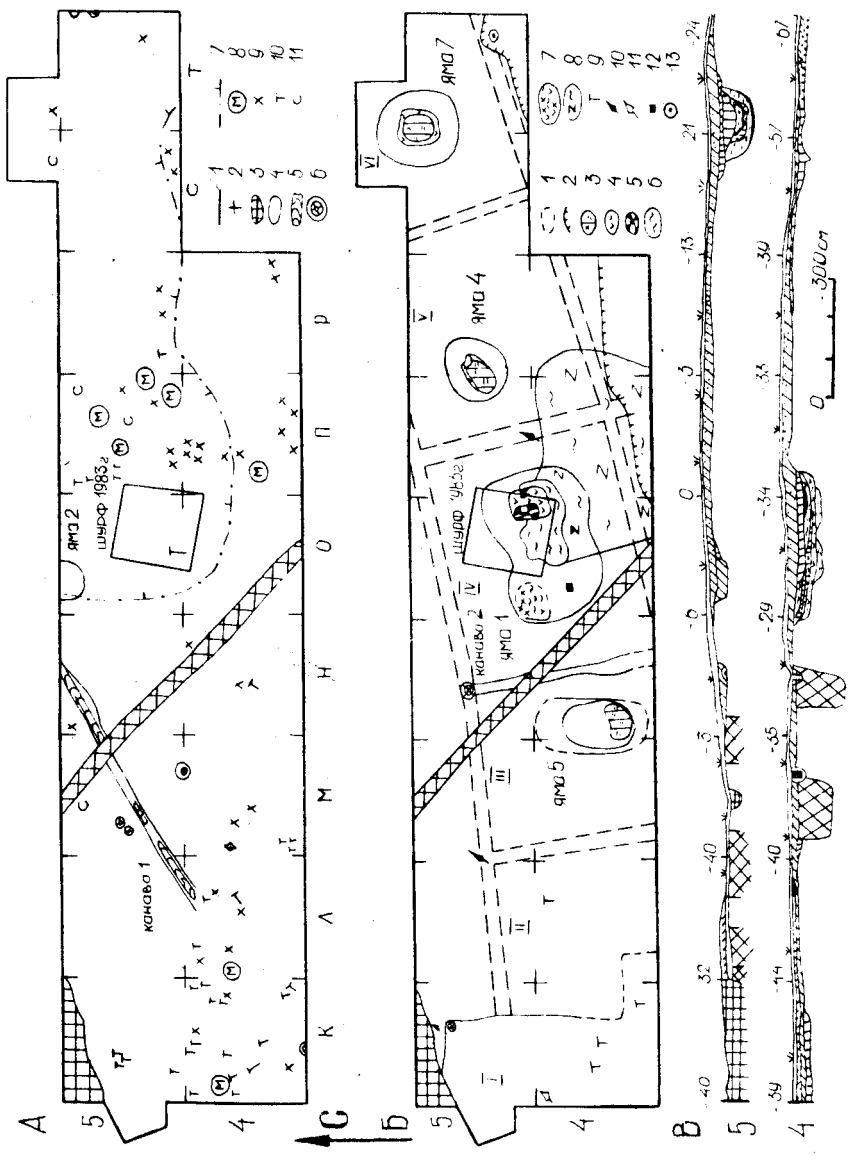

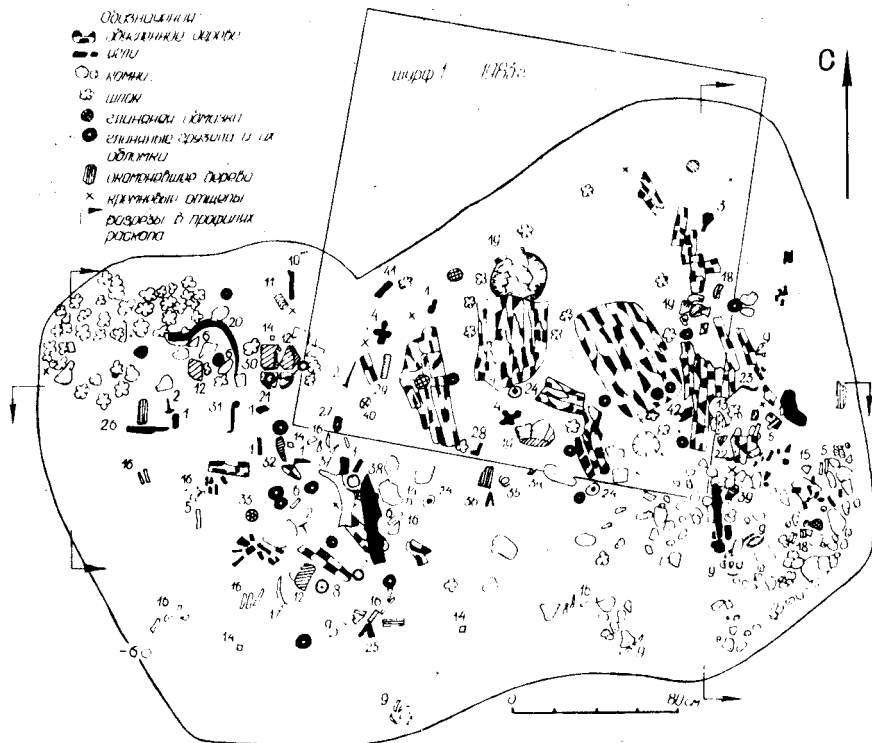
Рис. 7. Первомайский могильник.
Фрагменты лепной глиняной посуды.

- 1 [Symbol]
- 2 [Symbol]
- 3 [Symbol]
- 4 [Symbol]
- 5 [Symbol]
- 6 [Symbol]
- 7 [Symbol]
- 8 [Symbol]
- 9 [Symbol]
- 10 [Symbol]
- 11 [Symbol]
- 12 [Symbol]
- 13 [Symbol]
- 14 [Symbol]

Рис. 9. Подчуршинские городище и стоянка. План и профили раскопа.

А — остатки XVII — XIX вв. (1 — граница раскопа; 2 — стыки участков; 3 — современные траншеи; 4 — очертания ям; 5 — дерево; 6 — вкопанный столб; 7 — границы строительного мусора (кирпичный лом); 8 — находки медных монет XVIII — XIX вв.; 9 — кремневые изделия из разрушенной стоянки; 10 — железные гвозди; 11 — железные скобы). Б — остатки XIII — XIV вв. (1 — предполагаемые очертания; 2 — край искусственного эскарпа; 3 — проквал; 4 — углистое пятно; 5 — обугленное дерево; 6 — зола; 7 — скопление золы, шлака и угля; 8 — золистый слой с известкой; 9 — железные гвозди; 10 — железные наконечники стрел; 11 — костяной наконечник стрелы; 12 — обломок панцирной пластины; 13 — бронзовый умбон от щита (?). В. Профили раскопа (1 — дерн и пахота; 2 — темно-коричневый суглинок — слой XVII — XIX вв. со скоплением кирпичного лома; 3 — золистый слой с известкой; 4 — темно-серый суглинок — древнерусский культурный слой XIII — XIV вв.; 5 — заполнение современных траншей; 6 — коричневый пестрый суглинок — заполнение могил; 7 — уголь; 8 — золистый слой; 9 — слой прокала; 10 — глина с включением угля; 11 — стерильная глина; 12 — глина, перемешанная с культурным слоем; 13 — выброс из современных траншей; 14 — черный суглинок с углем).

1. Фрагменты железной вещи
2. Железные шпатель (-54, -40)
3. Железная наваршная миска (?) (-65)
4. Створки бронзового косяка (железные?)
5. Кости животных
6. Обработанные кости (80, 90)
7. Железная келья (-60)
8. Стальная пряжка (-80)
9. Чешки и кости рыб
10. Фрагмент железной обшивки кожи
11. Обезличенная монета (-80)
12. Пятиугольная монета (-53, -50, -45)
13. Обработанные кости (-75)
14. Кальцинированные кости (-74, -75)
15. Кости скотины (-78)
16. Кости птицы (-75, 47)
17. Рог животного (-78)
18. "Зубы" животного (-74, 95)
19. Раздробленные сосуды (-81, 89, 113, 117, 119, 122)
20. Железные шпатель (-81)
21. Железные шпатель (-82)

22. Рогная рожавина (-84)
23. Фрагмент железной вещи (-90)
24. Металлическая пластина (-91, -102)
25. Фрагмент медной вещи (-90)
26. Железные нож (-90)
27. Железная келья (-103)
28. Фрагмент железной вещи (-91)
29. Звездчатая костяная пряжка (-95)
30. Железная пятиугольная пластина (-101)
31. Железные кольца (-91)
32. Золотая монета (-91)
33. Обработанные шпатель (-95)
34. Бронзовая пряжка (-90)
35. Матак бронзовой проволоки (-97)
36. Железные шпатель (-90)
37. Обработанные шпатель (-95)
38. Железная вещь от плеча (-95)
39. Пятиугольная монета (-100)
40. Кремневый шпатель с ретушью (-125)
41. Звездчатка (-51)
42. Фрагмент лезвия меча (-53)

Рис. 10. Подчуршинское городище. Яма 1.

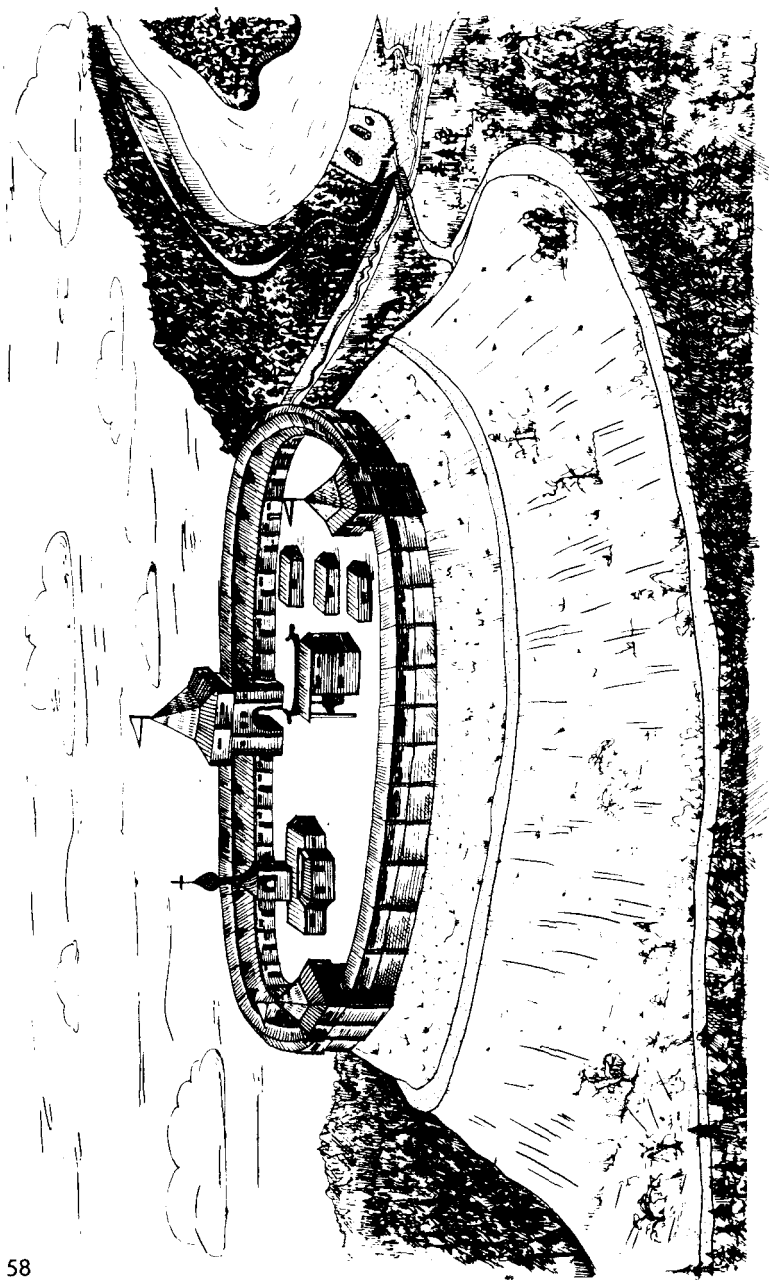

Рис. 11. Реконструкция крепости XIII — XIV вв.

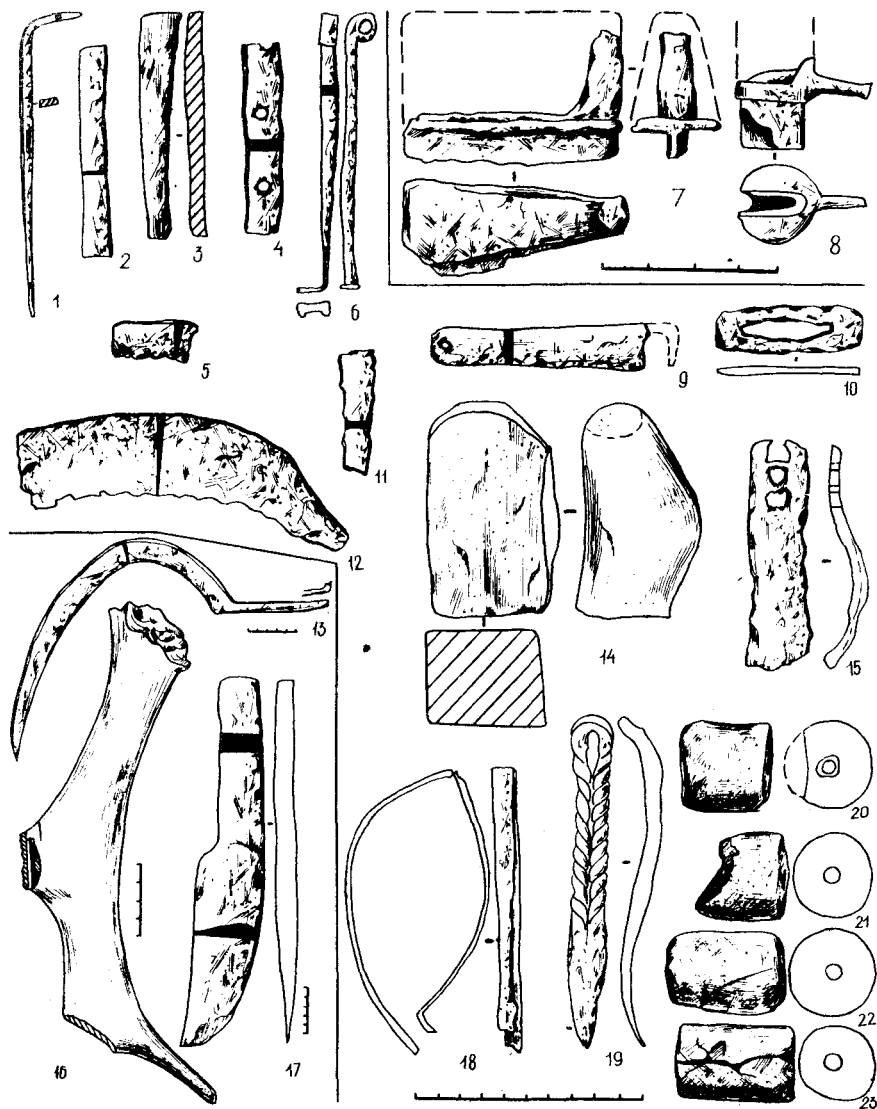

Рис. 12. Подчуршинское городище. Промысловый и бытовой инвентарь (1, 2, 4—13, 15, 17—19 — железо; 3—14 — камень; 16 — кость; 20—23 — глина). 1 — шило; 2, 11 — обломки вещей; 3, 14 — оселки; 4 — гвоздильня; 5 — обломок лезвия серпа (?); 6 — ключ от замка; 7, 8 — фрагменты замков; 9 — дверной крючок; 10 — кресало; 12 — фрагмент косы; 13 — серп; 15 — инструмент; 16 — опиленный рог лося; 17 — чересло от плуга; 18 — дужка сосуда; 19 — кочедык; 20—23 — грузила от сетей.

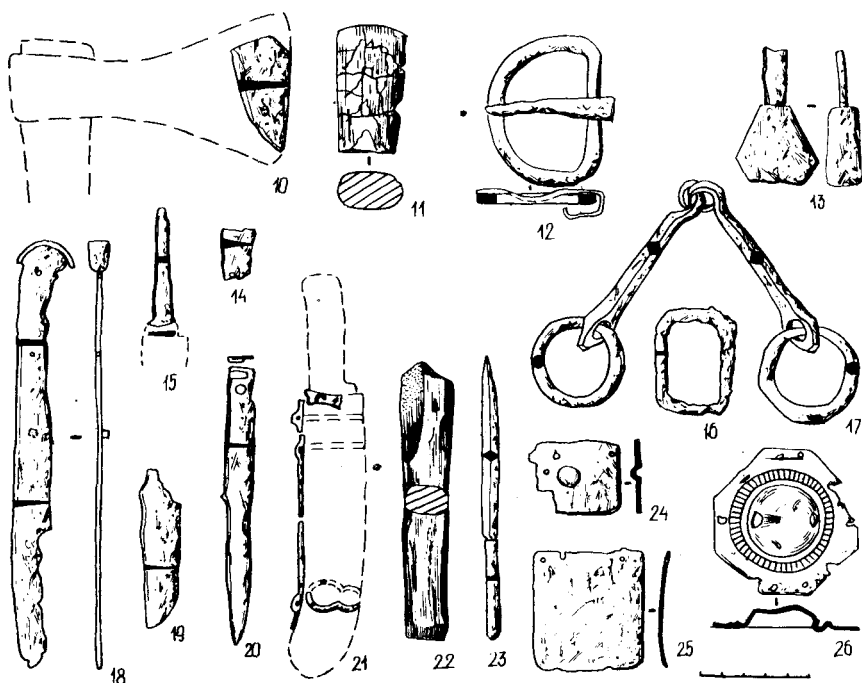
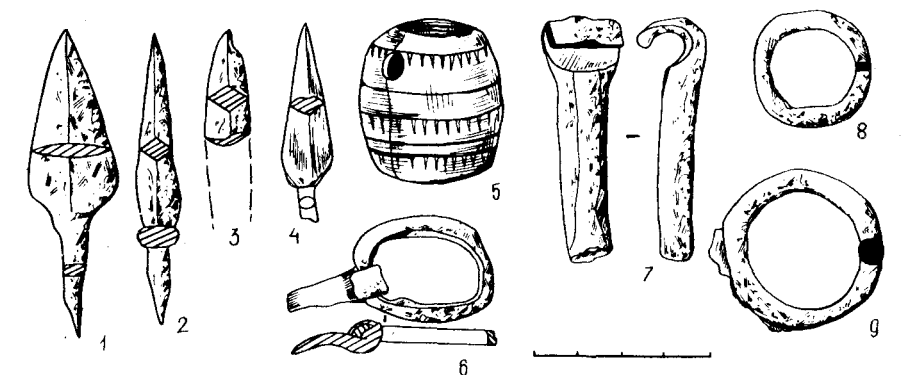

Рис. 13. Подчуршинское городище. Предметы вооружения, конской упряжи и универсальный инструментарий (1—3, 6—10, 12—21, 23—25 — железо; 4, 5, 22 — кость; 11 — бугленное дерево; 26 — бронза). 1—4, 23 — наконечники стрел; 5 — муфта от стрелы; 6, 12, 16 — пряжки; 7 — фрагмент удила; 8, 9 — кольца; 10 — обломок лезвия топора; 11 — обломок рукояти; 13 — фрагмент навершия меча (?); 14, 15, 19, 20 — фрагменты ножей; 17 — удила; 18 — нож; 21 — детали ножен; 22 — заготовка рукояти; 24, 25 — пластины от панцирного доспеха; 26 — умбон от щита (?).

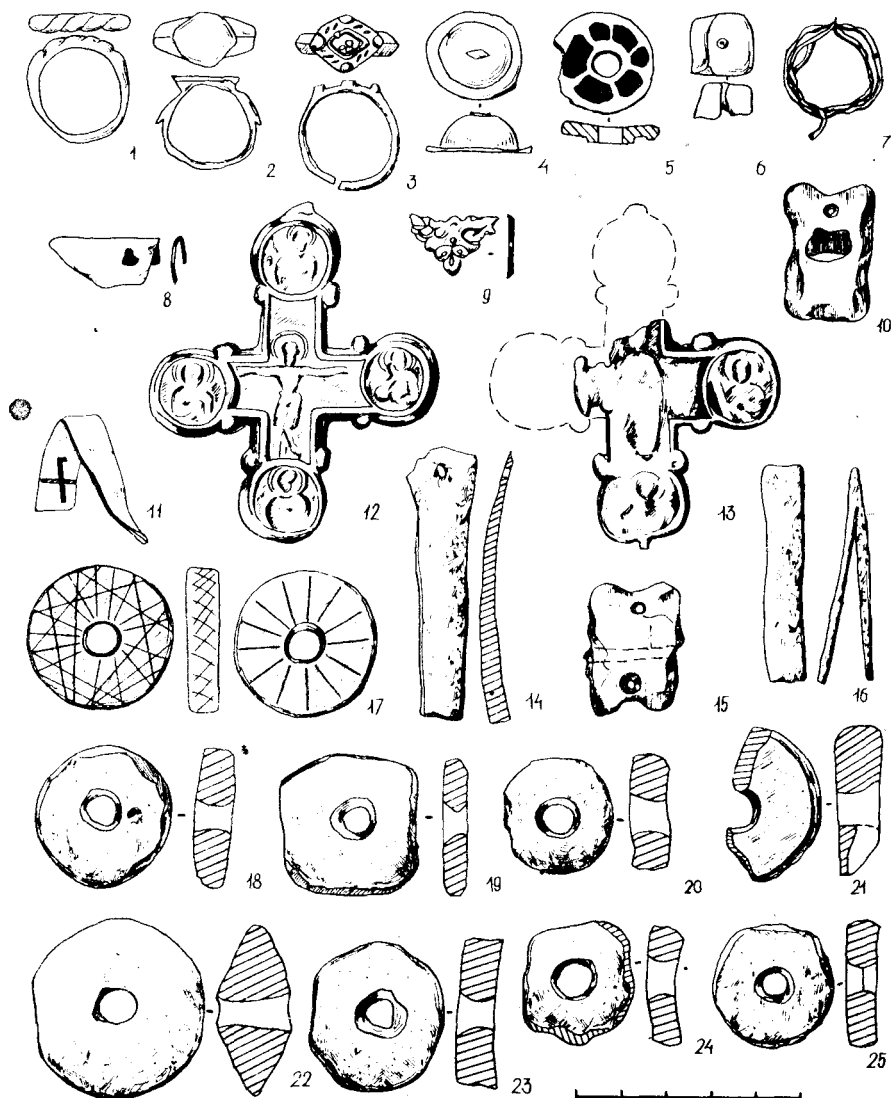

Рис. 14. Подчуршинское городище. Украшения и ремесленные принадлежности (1—4, 7—9, 11—13 — бронза; 5 — свинец; 6 — янтарь; 10, 15 — кость; 14, 16 — железо; 17, 21, 25 — известняк; 18—20, 22—24 — глина). 1—3 — перстни; 4 — бляшка; 5 — грузик; 6 — фрагмент бусины; 7 — моток проволоки; 8, 11 — обломки сосудов; 9 — поясная накладка; 10, 15 — игральные кости; 12, 13 — створки энколпиона; 14 — фрагмент изделия; 16 — пинцет; 17—25 — пряслица.

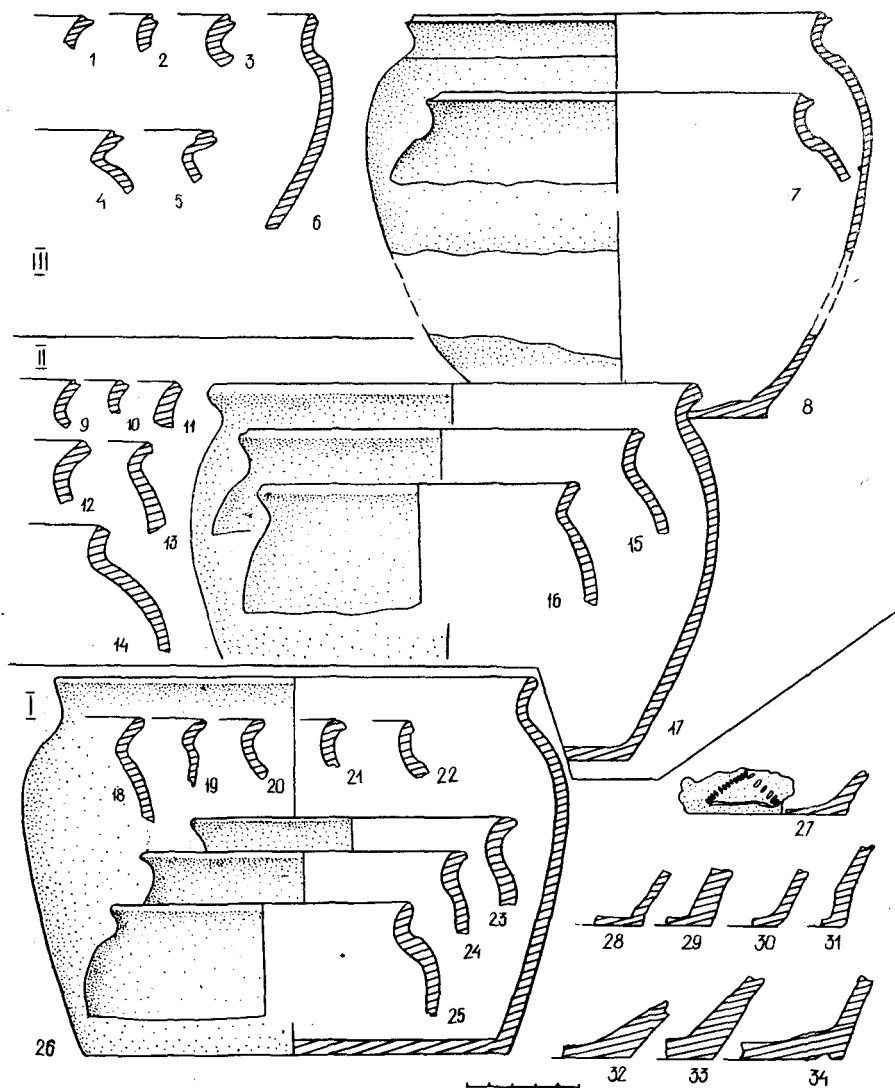

Рис. 15. Подчуршинское городище. Гончарная древнерусская керамика: 1—26 — венчики горшков и целые сосуды; 27—34 — обломки днщ.

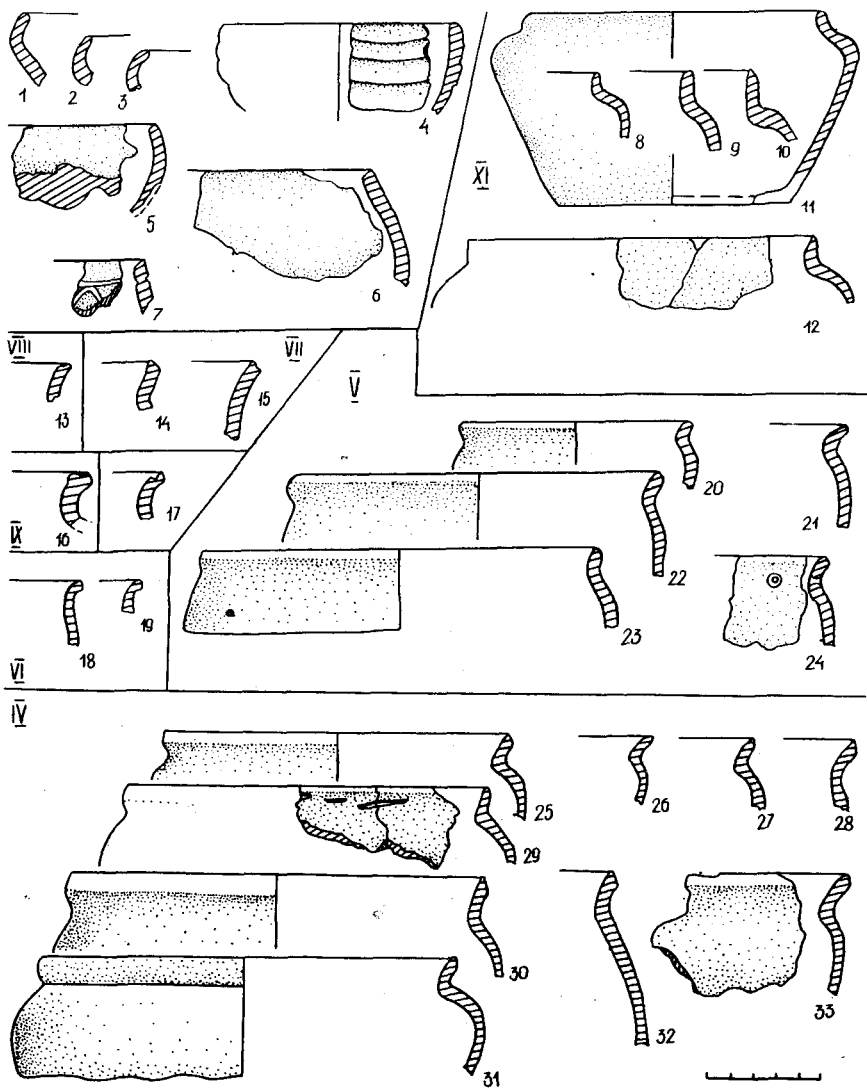

Рис. 16. Подчуршинское городище. Гончарная древнерусская посуда: 1—7.— фрагменты чашевидных сосудов; 8—33 — фрагменты горшков.

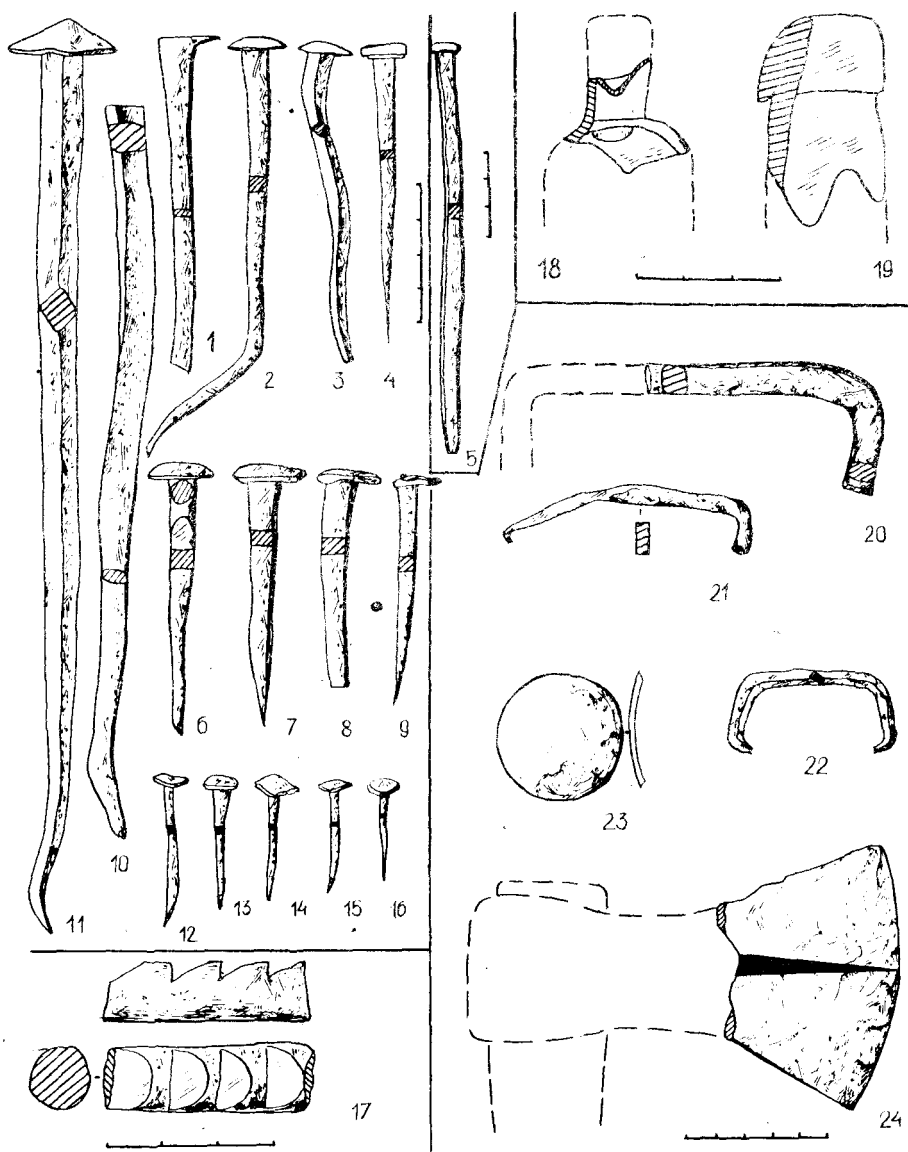

Рис. 17 — Подчуршинское городище. Вещевой комплекс XVII—XIX вв. (1—17, 20—24 — железо; 18—19 — стекло). 1—16 — гвозди; 17, 23 — фрагменты изделий; 18, 19 — обломки бутылок; 20—22 — скобы; 24 — лезвие топора.

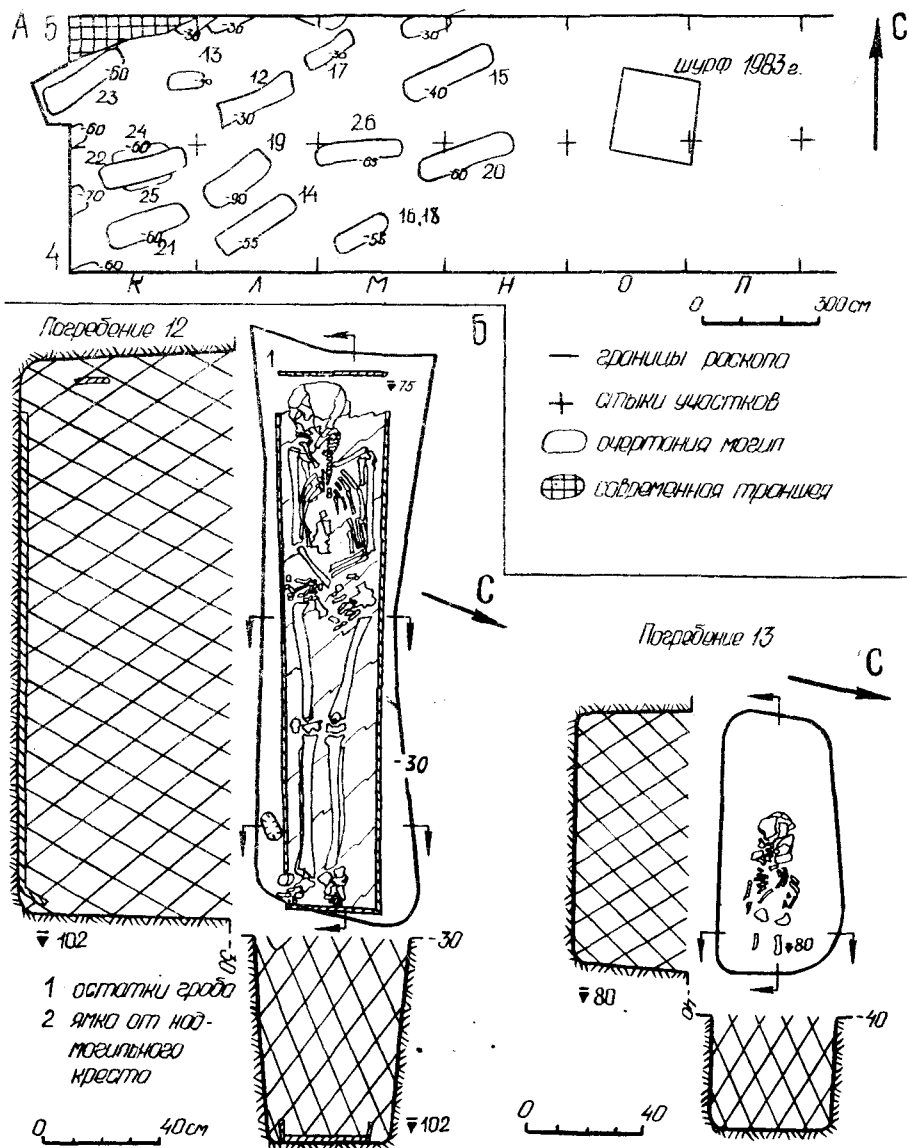

Рис. 18. Подчуршинский могильник. А — план раскопа; Б — планы и профили погребений 12 и 13.

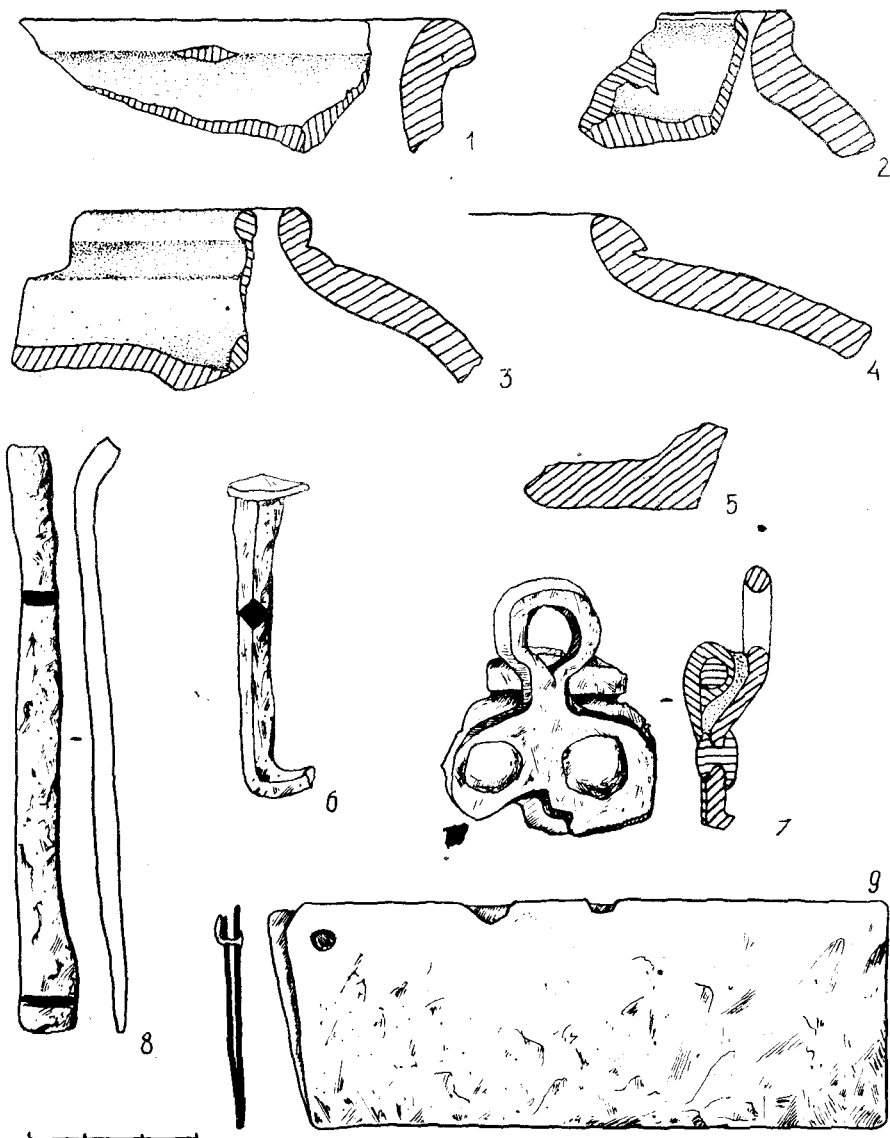

Рис. 19. Первомайское селище.

1—5 — фрагменты гончарных горшков; железные изделия: 6 — гвоздь; 7 — ушко сосуда; 8 — обломок вещи; 9 — оковка лопаты (?).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белавин А. М., Голдобин А. В. и др. Археологические памятники бассейна реки Чусовой. Чусовой, 1988. С. 6—7; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 48—56.

2. Цыганов Ю. Ю. Перспективы поиска палеолита в бассейне реки Вятки // Вятская земля в прошлом и настоящем / Тез. докладов. Киров, 1992. Том 1. С. 22—23.

3. Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореферат диссертации канд. ист. наук. Л., 1981. С. 6, 17.

4. Стефанова И. И. Первые мезолитические памятники в бассейне р. Вятки // Уральское археологическое совещание / Тез. докладов. Сыктывкар, 1967. С. 99; Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 37.

5. Голдина Р. Д., Черных Е. М. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции 1976-1980 гг. // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. С. 90, 102-103.

6. Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим данным) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 8.

7. Там же. С. 8; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. С. 341; Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1984. С. 116—123.

8. Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. С. 45.

9. Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории... С. 10.

10. Ванчиков В. В. История изучения ананьинских памятников бассейна р. Вятки // Вятская земля в прошлом и настоящем / Тез. докладов. Киров, 1989. С. 7—8.

11. Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории... С. 11—14.

12. Макаров Л. Д. Археологические исследования в Кировской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 24.

13. Стефанова И. И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 90—103; Иванова М. Г. Концовский могильник. Новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 4—24.

14. Прокошев Н. А. Могильник близ Вятки // Сообщ. ГАИМК. М., 1931. № 11—12. С. 57—58.

15. Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории... С. 28—29.

16. Макаров Л. Д. Формирование территории Вятской земли в XII—XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 142—144.

17. Тр. ВУАК 1907 года. Вятка, 1907. Вып. 1. Отдел II. С. 19.
18. Там же. С. 45.
19. Более подробно см. в работах: Спицын А. А. . Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1893. Вып. I. С. 179—185; Талицкая И. А. . Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 27. С. 47.
20. Вайнер И. С. Отчет за 1959 г. // Архив Кировского музея. НВ — 75—39. С. 9—10; Стефанова И. И. Отчет за 1961 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 1. № 2259. С. 2—4.
21. Ярославцева (Лещинская) Н. А. Отчет за 1979 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 94. С. 2—4; Обухова Е. А. . Отчет за 1983 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 218. С. 8—13; Макаров Л. Д. Отчет за 1987 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 264. С. 47—52.
22. Макаров Л. Д. Отчет за 1988 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 269. С. 3—26.; он же. Археологические исследования в Кировской области... С. 24—25.
23. Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1986. Т. 3. С. 379—381.
24. Овсянников О. В. Укрепленные усадьбы XIV—XV вв. как памятники оборонного зодчества русского Севера // КСИА АН СССР, 1982. Вып. 172. С. 97—104.
25. Макаров Л. Д. Оборонительные укрепления древнерусских городищ Вятской земли (XII—XVII вв.) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС / Тез. докладов (Суздаль, 1987). М.: Наука, 1987. С. 155—156.
26. Медведев А. Ф. . Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. // САИ. М., 1966. Вып. Е1—36. С. 82—85.
27. Макаров Л. Д. Разведочные работы на Средней Вятке // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 138.
28. Тр. ВУАК 1907 года... С. 1.
29. Спицын А. А. Приуральский край... С. 179.
30. Спицын А. А. Новые сведения по доисторической археологии Вятского края // ВГВ. 1887 № 9 (по сообщению М. В. Банникова).
31. Там же.
32. Спицын А. А. Приуральский край... С. 181.
33. Макаров Л. Д. Отчет за 1987 г... С. 51—52. Рис. 147—150.
34. Макаров Л. Д. Отчет за 1988 г... С. 21—26. Рис. 67—89; он же. Археологические исследования в Кировской области... С. 25.

